

Владимир Караев

ЧАСТНЫЙ ДОКТОР

Владимир Караев

Частный доктор

«Издательские решения»

Караев В.

Частный доктор / В. Караев — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853694-6

Алексей Романов не просто частный доктор, а глава израильской фирмы — первой в медицинском туризме. Богатство, известность, друзья, любимая. Жизнь удалась! Почему же безумная гонка за успехом оборачивается дорогой в Мир Теней? Автор оперирует сразу несколькими слоями реальности. Все переплелось: благородная медицина и бизнес, где крутятся огромные деньги; друг на зловещем чёрном мотоцикле; прекрасная возлюбленная и души погибших бойцов; прекрасный город и ладья Харона на черной мертвой реке...

ISBN 978-5-44-853694-6

© Караев В.
© Издательские решения

Содержание

Странные миры Владимира Караева	6
1	7
2	15
3	17
4	19
5	21
6	24
7	26
8	28
9	31
10	33
11	34
12	36
13	37
14	39
15	42
16	43
17	46
18	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Частный доктор

Владимир Караев

Все персонажи, характеры, действующие лица являются вымышленными, не существующими в реальности.

Все совпадения с реально существующими людьми – абсолютно случайными непреднамеренны.

© Владимир Караев, 2017

ISBN 978-5-4485-3694-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Странные миры Владимира Караева

На литературном горизонте Израиля и России появился автор, продолжающий европейскую традицию; и это понятно – в его биографии соединяются итальянские, российские и еврейские корни. В литературу входит автор со своим почерком. Владимиру Караеву удается сбить сюжет благодаря элементам остросюжетного повествования, но самое главное, благодаря сосуществованию материального и метафизического аспектов жизни.

Как и в случае с Булгаковым, вечный город Иерусалим зримо и незримо присутствует в прозе Караева. Это и Стена плача, и Гроб Господень, и мечущиеся души его героев. Отсюда сочетание дыхания современного большого города и мистического присутствия вечного мифотворения. Добиться такого симбиоза в прозе дело не простое, что говорит о внимательном изучении и постижении автором мировой литературной традиции.

Владимир Караев – автор нескольких поэтических сборников, повестей. И если внимательно ознакомиться с его творчеством, то видно, как раны двадцатого века: ГУЛАГ, аресты близких, эмиграция, личные трагедии, жизнь на чужбине – проступают в его прозе.

Назвать прозу Караева религиозной было бы неверно. Это скорее проза плачущей и мятущейся души. Недаром художник, оформлявший книгу, предпочел в качестве этического эпиграфа фрагмент знаменитой картины Эдварда Мунка «Крик».

Через преступления и наказания, через реальное и виртуальное автору удается подвести читателя к Стене Плача, вдохнуть в него энергетику вечного города, соотнести бытовое с Божественным.

На этом полотне контрастнее проявляются мотивации поступков и намерений разных персонажей, и сам автор со своим истинным талантом врачевания людей...

Екатерина Гениева

5 июля 2015 года

Тель-Авив

1

Телефонный звонок раздался в самое неудачное время – в тот тонкий момент погружения в сон, когда мозг балансирует на непостижимой грани между реальностью и загадкой.

И от этого он прозвучал особенно тревожно, заставив сердце подскочить и панически забиться в горле. Низкая, почти инфразвуковая вибрация телефона приносила в тревожную палитру оттенок неясной тоски.

Леша накрыл аппарат рукой, как комара прихлопнул, – на звук. Поднес близко к глазам – жест, выдающий близорукость. Инесса. Его зам по фирме «Исцеление».

– Добрый... хотя, наверное, уже доброй ночи, Инна. Что случилось?

Знал: по пустякам беспокоить не будет. За семь лет работы накоплен достаточный опыт.

Инна тяжело вздохнула:

– Алексей, наберитесь мужества. Поплакову совсем плохо.

Леша застонал:

– Господи Всемогуший! Только не это!

Инесса тактично молчала, давая возможность хозяину смириться с неизбежностью.

Поплаков был давний, надежный и благодарный Лешин больной. Приезжал в Израиль на обследование, лечение и прочее один-два раза в год. Никогда не требовал разъяснений, «почему этот анализ такой дорогой», платил по счетам сразу и сполна.

Единственный, но зато большой его минус заключался в упомянутом выше «прочем».

Так, с обычным для чиновников всех рангов умением маскировать расплывчатыми формулировками истинное значение слов, Поплаков под этим словом прятал второй, тоже маскировочный смысл: «снимать стресс от напряженной работы». Эту фразу он использовал крайне неохотно, поскольку ее смысл был уже общеизвестен – напиться до полного изумления, как своего, так и всех окружающих.

Работа заключалась в том, что его больной и тезка Алексей Николаевич Поплаков уверенно правил среднестатистическим во многих отношениях городом. Зато в других отношениях город среднест-т-т... (вы меня поняли!) не являлся: в нем текла невидимая простому, не фээсбэшному глазу, но от этого не менее бурная секретно-научная жизнь.

Это обстоятельство способствовало резкому укреплению вертикали власти в городе, делало ее, говоря советским новоязом, еще более вертикальной и придавало особую напряженность и без того непростой – ни грамма иронии, господи! – и весьма нервной работе господина Поплакова.

Весьма нервная работа требовала периодической разрядки и прочего. И тут-то возникла вполне определенная проблема, вызванная публичностью и открытостью образа Алексея Николаевича, созданного его имиджмейкерами. «Прочее» в образ, понят-

ный народу и любимый им, может, и уложилось бы, но не в таком количестве и не с таким размахом! Не говоря уже о начальстве...

Выход Алексей Николаевич нашел для себя в модной нынче в России теме – лечении за рубежом, стыдливо и жеманно именуемом медицинским туризмом. Не название, а фарисейство чистой воды. Сами посудите: приехал, скажем, турист с раком желудка в третьей стадии для прохождения лучевой терапии. Разве это туризм? Достопримечательности в виде линейного ускорителя обозреть?

Страну лечения господин Поплаков выбрал легко и без колебаний. Выбор его был неслучаен, как, вероятно, и любой «свободный» выбор в нашей с вами жизни, вполне предсказуем, логичен и заслуживает более подробного обсуждения.

Среди стран, предлагающих на экспорт медицину как один из видов национального продукта, раскрученного бренда, на самом деле серьезные позиции на рынке занимают лишь

несколько: Швейцария, Соединенные Штаты, Германия, Израиль, может быть, Франция. Вот, собственно, и все.

Франция в этом списке стоит особняком, возрождая в памяти СССР своим бюрократизмом, крючкотворством и презрительным отношением к пациентам из-за рубежа, но не к их деньгам. Да и медицинская школа там обычная – крепкая Европа. Ничего более... Врачи, пожалуй, не любят лечить иностранцев – гонорары идут не в их карман, а в бюджет клиники. Разве что конвертик незаметно в карман белого халата... Но неэтично, господа, согласитесь.

Искусственное оплодотворение стоит упомянуть отдельно, поскольку развито у бонжуров действительно неплохо.

Швейцария... как много в этом слове...

Ее выбирает для лечения высший эшелон. Дорого, очень дорого, кичливо дорого. Еще один признак статуса, как, например, сумка «Биркин» от «Hermes». Идеальный там порядок, и поезд следует строго по расписанию, и никогда нет расхождения между графиком обследований и его действительным выполнением.

Швейцария дает именно то, что от нее ожидают: стерильность обстановки, холодность обращения, возможность причислить себя к сонму небожителей, осознание собственной значимости и исключительности.

В остальном – тот же немецкий продукт, но по утроенной цене. Чисто европейская школа, и никаких – упаси Господь! – заокеанских новомодных выдумок.

Швейцария – выбор небожителей по принципу «понты дороже денег». Из категории тяготеющих к русской классической аристократии и видящие себя ее естественными наследниками.

Из одежды мужчин этой категории (а мы начнем именно с мужчин, да простят нас дамы, ибо тут именно они правят бал) отличают костюмы от Бриони, туфли от Джона Лобба, галстуки от Балдини. Добрая вечная классика с легким запахом кирзы.

Пока, увы, неистребимым.

Небожители-технократы: массивные очки в черепаховой оправе, костюмы могут быть и от Бриони, но преобладают более демократичные от Зилли, рубашки Итон в полоску, что делает возможным отсутствие галстука, часы Биг Бэнг (Hublot), обувь, конечно, от Берлутти.

Аромат кирзы, однако, присутствует в той же мере. Грустно, но факт.

Эта каста предпочитает США. Скорость, натиск, обилие сверкающей медицинской техники, доктор

Хаус, помноженный на политкорректность и профсоюзы. Инвазивность обследований, возведенная в абсолюте!

Цена – полторы Швейцарии и выше. И никаких «вне очереди»! Демократия! Fast line (в режиме «срочно») – за дополнительную плату!

Нормальные, не кичливые олигархи, богачи и просто состоятельные разумные люди всегда выбирают одну из двух оставшихся в нашем с вами списке стран: Германию или Израиль.

До недавнего времени отношение к поездкам к медикам в Израиль у российского бомонда было, как бы сказать... двойственным. С одной стороны, их немного стеснялись, как обычно стесняются столичные жители шумного, лишнего светского лоска и хороших манер знакомого еврея из провинции. А с другой – этот знакомый, представьте себе, прекрасный профессионал! Кудесник в своей области, может сделать все то же, что и герр доктор, и с тем же, если не лучшим, результатом! Но – заметьте! – за меньшие деньги, майн херц, за существенно меньшие!

К тому же, скажу я вам, майн херц, израильский климат греет озябшую московскую душу куда лучше тевтонского. И окинет свысока турист местный народец прищуренным имперским глазом, а он окажется несравненно теплее и отзывчивее бургеров и иже с ними прочих бошей. А русская речь повсюду, не надо складывать, пыжась от унижения, обломки английских слов

в шутовские фразы. Хотя, вздохнет наш турист сокрушенно («тяжело бремя белого человека»), конечно, у фашистов порядок и дисциплина. – И цокнет уважительно языком.

Именно исходя из этих соображений прирастает с каждым годом число пациентов в клиниках и больницах Израиля. Именно такими соображениями руководствовался в свое время господин Поплаков, когда взвешивал все «за» и «против», держа на одной чаше весов Израиль, а на другой – Германию. И Израиль перевесил. А приняв решение, стал наводить справки, куда именно податься. И тут уже сработали Лешины способности... Но об этом позже, не будем забегать вперед.

Обследование и лечение – назовем их «визитами» господина Поплакова в Израиль – протекали всегда по одному и тому же сценарию, или, как бы выразился он сам, согласно рамкам принятых решений. Первая неделя пребывания на Святой земле посвящалась «прочему». Как правило, «прочее» начиналось немедленно по прилете, уже в аэропорту Бен-Гурион, и продолжалось всю дорогу до Эйлата.

Поплаков быстро выходил на плато, то есть добивался устойчивого равновесного содержания алкоголя в крови, когда скорость его поступления равнялась скорости метаболизма, и почивал в этом блаженном состоянии несколько дней, после чего реанимировал себя сам и прибывал в Тель-Авив на обследование.

И если – будем называть вещи своими именами – до запоя его состояние было удовлетворительным, то после него анализы, диагнозы и консультации обеспечивали целую неделю интенсивной работы.

Но на этот раз Поплаков превзошел самого себя. Пил он не просыхая уже десять дней, на телефонные звонки отвечал редко и сумбурно, в ключе: всё пучком, всё зашибись. Врал или просто перестал понимать, что происходит. Приходилось обращаться на ресепшен, к консьержам и только там получать хоть какую-то информацию о его состоянии...

– Так... – сказал Леша обреченным голосом человека, осознающего свой приговор еще до его оглашения. – Давайте, Инна, бейте меня. Что случилось? Живой, не умер?

– Нет-нет, Алексей, – поторопилась Инна успокоить босса. – Живой!

– Уже хорошо, – выдохнул Лешка.

– Но на этом хорошие новости, пожалуй, заканчиваются, – горестно вздохнула Инна. – Позвонил мне полчаса назад, плачущим голосом ребенка жаловался, что не может найти свой кошелек, спрашивал, какой сегодня день.

– Понятно... – протянул Леша со стоном. Расписание на завтра необратимо рушилось.

Да и сам день вместе с ним валился в тартарары будней, таяла и исчезала из него приятность легкой интриги, сбитой из воздушного платья Наты, аромата ее духов, прогулки по тель-авивской томной вечерней набережной с ужином в одном из ресторанчиков старого порта и заслуженным финишем в его квартире.

– ...А еще через полчаса мне позвонили с ресепшен, что он носится в истерике голый по номеру, все швыряет и ищет свой бумажник... Балконную дверь в осколки – вазой в нее запустил.

– Господи! – вновь простонал Леша, полный черных предчувствий. – Из номера голый не выходил? Морду никому не бил? Полиция не вмешалась?

– Не выходил, не бил, не вмешалась, – по-военному четко отчиталась Инна и уточнила: – Пока.

Как всегда, все заранее выяснила, полностью владела обстановкой, предвидела последствия. За это он ее и ценил, потому и платил щедро.

– Угу... – на секунду задумался Леша, вытянув губы трубочкой – привычка, против которой оказались бессильны все попытки от нее отказаться. В голове стали проявляться основные черты алгоритма действий, зажужжали колесики решений, запустили сложившийся механизм в ход:

– Так! Он в гостинице «Президент бич», верно?

– Да, Алексей.

– Кто у нас там... Толстый Моти в смене?

Отель «Президент бич» был одной из немногих эйлатских гостиниц, которую согласна была принять капризная и избалованная роскошью различных ривьер душа русского туриста, пусть и с горестным вздохом и брезгливо поджатыми губами.

Основная масса Лешиных больных до или после лечения отправлялась либо сюда, либо в гостиницу «Натаниэль» на Мертвом море, естественно, после обязательного посещения Иерусалима и Храма Гроба Господня (на сленге экскурсоводов фамильярно именуемого ХГГ). Поэтому Леша посчитал необходимым иметь в этих отелях своего человечка, а то и нескольких, из числа администрации среднего звена, радеющего всей душой за комфортный отдых измученных лечением россиян.

Радение бесплатным не бывает, но и обходилось оно Леше недорого, и окупалось полностью – чуткая и неусыпная забота компании «Исцеление» и лично ее генерального директора, доктора Алексея Романова – прошу любить и жаловать, господа! – незримо присутствовала в жарком воздухе курорта, согревая сердца пациентов.

Пациенты возвращались домой довольными, и фирма «Исцеление» получала новые заявки на успех...

– Так что у нас с Толстым Моти? – прикусив губу, торопил ее Лешка.

– Секунду! Проверяю по второй линии... Лешка услышал приглушенные расстоянием гудки стационарного телефона. Это Инна набрала номер на домашнем аппарате. Вот они прекратились – на другом конце линии сняли трубку.

Инна бойко и нахраписто, подчеркивая голосом:

– Я имею право на такой тон, мы даем вам работу! – загорганила на иврите, призывая к порядку и требуя немедленного содействия.

– Здесь он, Лешенька! – Она от радости невольно сбилась на фамильярность. – На работе!

– Очень хорошо, Инна. – Леша холодным тоном вернул прежнюю дистанцию: – Действуем в следующем порядке: Толстый Моти пусть бежит в номер Поплакова! стакан холодной водки в одной руке, два бутерброда с черной икрой – в другой... да! Пусть берет два-три эклера, глюкоза Поплакову нужна. Не жрал ведь, поди, мерзавец, с неделю, да?

Инна затараторила, переводя на язык праотцов четкие Лешины указания.

– Уже бежит!

– Господи, ну что за нетерпеливость! Ничего до конца дослушать не могут! Йалла, йалла, и все дела, пусть вольет в него стакан. Пусть Моти заставит Поплакова съесть бутерброды и пирожные. И дальше сиднем сидит в номере и сторожит его спящего. Он после стакана отрубится сразу, гарантирую. Работа для Моти непыльная... и чтобы из номера ни ногой!

– А почему вы думаете, что...

– Заснет-заснет, – отрезал Леха, отсекая резким взмахом руки все сомнения. – Выжрет стакан, заест икрой и заварным кремом – вырубится, как пить дать, на несколько часов. Мы как раз и доберемся.

– Мы? – переспросила испуганно Инесса.

– Мы – это я с Леоном, – рассмеялся Леша. – Не пугайтесь, вы остаетесь в лавке... Поехали дальше! Звоните Левону, выдергивайте его: от жены, любовницы, с дежурства, трезвого или пьяного – меня не колышет, но чтобы был готов и ждал вашей отмашки на старт.

– Ой, мама! – пропела Инна. – Вы знаете, сколько он запросит за срочный вызов?

– Инна, тебя учить надо? Как маленькая, честное слово! – огорченно всплеснул Леша руками и еле успел подхватить айфон на лету:

– Свои кадры надо знать! Уменьшай его цену на сорок процентов, смело называй ее в ответ и стой на своем – это его обычный маневр: «А вдруг проскочит?» Конечно, цена и так будет нехилая, но Поплаков платит.

– Поняла...

– Ближайший самолет на Эйлат... – продолжал Леша, уже вскочив с кровати и расхаживая бесцельно взад-вперед по гостиной (обычная его манера вести телефонный разговор). – Узнайте, когда, и два билета должны меня ждать...

– Алексей, – замирающим голосом позволила себе перебить его Инна, и он отчетливо представил себе, как она привстала на цыпочки, выставив защитой перед грудью полусогнутый подрагивающий пальчик, – я не уверена, что есть ночные полеты...

– Сейчас только пол-одиннадцатого, – близоруко сощурился Лешка на экран телефона, только сейчас сообразив, что он так и не надел очки, и снова горестно матюкнулся в душе – эпитафия по безвозвратно ушедшему завтрашнему выходному. – Я выеду через, скажем, двадцать минут, и буду в Сде-Дов минут в двадцать двенадцатого, пробок сейчас нет. Уверен, полеты есть, и горе вам, Инна, если билетов не будет!

Инна нервно хихикнула, впрочем, не особенно и нервно – Романов мог и наорать, мог и уволить (но не ее, будем откровенны!), но в целом был человеком отходчивым, да и боссом неплохим.

– А почему именно в Сде-Дов, Алексей? Я думаю, есть рейсы из Бен-Гуриона, и даже чаще...

– А потому, Инна, что если уже нет полетов или все билеты проданы, – Лешка мстительно ухмыльнулся, – из Сде-Дов можно заказать частный самолет, а из Бен-Гуриона, думаю, нет, или же это будет много сложнее.

– Леш, ты чего? – Инна опешила по-настоящему. – Ты?.. Какой?.. Какой частный самолет?! Ты представляешь, СКОЛЬКО это нам будет стоить?!

– Инка! – удивился Леша. – Нам это не будет стоить ни копейки – Поплаков все оплатит, не пикнет! Посмотрит в мои честные глаза – и оплатит... все оплатит: и балаган в гостинице, и Толстого Моти, и мои нервы, и мой убитый выходной... Думаю, счет увидит и враз протрезвеет... Может, еще и пить бросит.

– Ну-ну, – с сомнением протянула Инна, вновь застегивая пуговицы официальных отношений, – насчет «бросит пить» – это вы, Алексей, погорячились... Из какого коэффициента оплаты строить счет?

– Если частный самолет и все дела... – Лешка снова вытянул губы трубочкой. – Один и три десятых. – Он вновь подумал о безжалостно отнятом у него выходном дне и коварно улыбнулся: – Вот так будет правильно!

– Ого! – уважительно охнула Инна, и он представил себе, как она подняла свои тонкие, выщипанные брови под аккуратной ровной челкой. Волосы у нее были необычайно густые, иссиня-черные, она их стригла и укладывала пышным каре, которое шло необыкновенно ее тонкому лицу обаятельной стервочки.

– Дальше поехали... Мой тревожный саквояж!

– Он в офисе, сами знаете. Убедитесь лично...

– Мне что, в офис сейчас мчаться? – упавшим голосом спросила Инна.

– Убедитесь лично, – проигнорировал вопрос Леша, – что в нем лежат АМБУ¹, интубационные трубки размера семь с половиной и восемь, ларингоскоп с набором клинков...

¹ АМБУ – ручной аппарат для искусственной вентиляции легких.

Мысленно представил себе Поплакова – тучный, конечно, как это водится у российских чиновников, но если придется принимать экстренные меры, интубация² не должна быть тяжелой.

– Бросьте из холодильника пару литров раствора Хартмана³ без кровяного фильтра, шприцы всех размеров, иглы, венфлоны, конечно... Что еще? Атропин, адреналин, мидазолам, пропофол... Спросите у Левона, что ему может понадобиться... Вы еще дома?

– Да нет! – язвительно ответила Инна, ее голос звучал гулко; так бывает, когда телефон ставят на громкоговоритель, чтобы освободить руки. – С вами разве дома усидишь?

Вздыхнула, зазвенели ключи на связке.

– Уже оделась наспех, как на войну, честное слово, выхожу... скоро буду в офисе.

Инесса, за глаза прозванная сотрудниками «Исцеления» за свою преданность хозяину и общему делу и вместе с этим цепной нрав Кане-Корсо⁴, или попросту Канька, жила одна в съемной трехкомнатной квартире неподалеку – в пяти минутах неспешного шага – от новой престижной резиденции фирмы.

Понять, насколько серьезна фирма, занятая святым и богоугодным делом лечения иностранных граждан в Израиле, можно было по нескольким внешним признакам, один из которых – близость офиса к флагману израильской частной медицины, сверкающему стеклом и металлом громадному зданию Paracelsus Medical Centers, Ltd. – «Парацельс Медицинский Центр, Лтд», сокращенно ПМЦ.

Больница без всяких оговорок была великолепна. Прежний ее генеральный директор строил это новое здание, сменившее старое, обветшалое, вошедшее в строй задолго до того, как в лихих, кучерявившихся рыжим руном молодых еврейских головах зародилась «Ха-Тиква» – гимн независимости Израиля.

Идея спланировать и организовать внутреннее пространство здания так, чтобы оно меньше всего напоминало больницу, удалась и оправдала себя на все сто.

В огромном, полном воздуха прозрачном вестибюле неслась негромко из невидимых динамиков классическая музыка, а вместо запаха карболки и хлорки стоял крепкий аромат свежесваренного кофе и вкусной ванильной выпечки.

Пациент, входя в двери клиники, не чувствовал себя больным человеком, считал: заскочит на секунду и сразу на море с друзьями... Иногда так действительно и случалось.

Вышколенный младший и средний медицинский персонал, прекрасные анестезиологи, одним из которых был Алексей Романов, и современное оборудование – все это вместе взятое позволяло больнице справляться, пока успешно, с негласно поставленной перед ней задачей догнать и перегнать «Мэйо Клиник»⁵ в далеком и ничем более не примечательном Кливленде.

Имидж ПМЦ на постсоветском небе разгорался ярче с каждым днем, и поток иностранных граждан, а на деле бывших соотечественников, захлестнул коренных израильтян, вдруг ощутивших себя иностранцами в одной отдельно взятой больнице.

Поэтому, чем ближе к больнице находился офис фирмы – организатора лечения, тем больше закреплялась у пациента ассоциативная связь между ней и клиникой ПМЦ и тем больше росло его доверие к фирме.

– Гриша сейчас подъедет к офису. – В телефоне раздался усиленный эхом лестничной клетки хлопок закрываемой двери, гулко застучали каблучки по лестнице: Инна не стала дожидаться лифта. – Сказать, чтобы забрал саквояж и ехал за вами?

² Интубация – введение интубационной трубки в трахею посредством ларингоскопа для последующей вентиляции легких.

³ Раствор Хартмана – солевой раствор для внутривенного введения, близкий по своему составу к плазме крови.

⁴ Кане-Корсо, или итальянский мастифф, – одна из древнейших пород собак, известна своей преданностью хозяину.

⁵ Одна из ведущих клиник в мире.

Гриша был разъездным водителем фирмы. Фирма «Исцеление» держала двух постоянных водителей, в том числе «престижного», которому Леша отдал свой «кадиллак», продав его фирме.

«Престижным» водителем был Ави Кутник – молодой улыбчивый парень, только закончивший службу в армии и решивший заработать денег на учебу в универе.

Честно говоря, мог бы и не работать – не из бедной семьи. Но такие желания надо поощрять, и Ави папа, Лешкин друг и классный ортопед, нашел сыну непыльную и неплохо оплачиваемую работу. Леша положил ему очень не хилый оклад, а Ави папа, в свою очередь, делал большую скидку всем Лешкиным ортопедическим больным.

В официальные обязанности «престижного» водителя входила и встреча и проводы в аэропорт после лечения, вежливость, обаятельность с соблюдением должной дистанции.

Главными, однако, были его неофициальные обязанности. Ави родился в Израиле, был смугл, кучеряв и черноглаз, говорил на иврите без акцента – никто из пациентов и не подозревал в нем свободного владения русским языком. Соответственно, говорили при нем о фирме и о Романове что думали и как хотели. Все это незамедлительно передавалось Леше и помогало воссоздать истинную картину работы компании.

(Тут мы подмигнем лукаво и заметим, что из сотрудников фирмы об этой особенности знали только Леша и Инесса и хранили ее в секрете по тем же соображениям.)

В обязанности разъездного водителя входили поездки с пациентами на обследования и с обследований в гостиницу, по делам фирмы – работы хватало.

Гриша переехал в Израиль из Питера в середине девяностых, и поэтому от него исходил легкий криминальный флёр, как и от большинства россиян, даже никаким боком не связанных с криминалом (если таковые еще оставались).

Алексею с большим трудом удалось отучить его запускать на полную громкость русский шансон, курить в машине и добавлять «нах» через каждые два слова. Честно говоря, он бы Гришу уволил, если бы не его уникальное чутье на «пробки» в сочетании со знанием всех до единого закоулков Тель-Авива много лучше своих пяти пальцев. Гриша мог дать фору любому навигатору и точно рассчитать время прибытия из одной точки в другую в любое время суток! В их напряженной работе, когда необходимо совместить доставку одного больного на обследования с госпитализацией второго и выпиской третьего, – качество совершенно незаменимое. Поэтому Гришу приходилось терпеть, но Леша находился в перманентных поисках замены – все-таки криминальный аромат, окружавший Гришу, не мог быть таким терпким совершенно беспричинно...

– Алло, Алексей! Леша, вы меня слышите? – Инна запыхалась, голос звучал прерывисто.

– А? Да-да! – Леша стряхнул раздумья. – Отдайте ему саквояж, и пусть едет за мной.

– Окей. Тогда всё... – Голос звучал глуше, отстраненно. – Я должна ключи найти в сумочке... попробуйте отыскать что-нибудь в женской сумочке...

– Инна! Подождите! – вскинулся Лешка, неизвестно почему пронеслась мысль о Сережке.

«А вдруг?»

– Не надо! Не надо Грише за мной заезжать! – крикнул он в трубку. – Я сам поеду! Вы меня слышите?

– Слышу, Алексей, слышу хорошо, даже ключи перестала искать. – Недоумение звучало в ее голосе. – Гриша поедет сразу в Сле-Дов... – Помолчала немного: – У вас все в порядке, Алексей?

– Да, все в порядке, Инна, – ему стало неловко за свой выкрик. – Большое спасибо. Ночью вас будить не буду, позвоню завтра. Не забудьте про Левона!

– Не беспокойтесь, Алексей. Живым или мертвым!

– До свидания!

– Удачи вам, босс!
Как он и думал, Сережка ждал его в машине.

2

– Ну, привет, Романыч!

– Привет, Серый!

Они подмигнули друг другу.

– Давно тебя не видел.

Леша пристегнул ремень, пробежался по пультам сигнализации, нажал стартер. «БМВ-650» отозвался, как и должен отзываться холеный баварский зверь, – мощно, ровно и тихо.

– Давно тебя не видел, – повторил Леша.

Сережка неопределенно пожал плечами. Мол, как посмотреть!

Подземная парковка. Минус второй уровень. Шины повизгивают на выездной дорожке – круто водит хозяин. Да, круто! Потому и тачка такая. Открываются без задержки шлагбаумы. Тормознул на выезде, машина присела, качнув мордой. Никого? Темно-синий хищник взревел пещерно и помчал по пустой в этот час улице.

– Месяц – это давно? – снова пожал плечами. – А два? Два ореха – это кучка?

– Достал ты своими орехами! – фыркнул Леша. – Двадцать пять лет уже!

– Ладно тебе. – Сережка толкнул его кулаком в плечо. – Скажи, про моих что-нибудь знаешь?

– С нашей с тобой последней встречи ничего не изменилось...

Остановился резко на красный свет. Единственный светофор перед выездом из его переулка на главную улицу, но он всегда наткнулся на долгий красный.

– А ты... – осторожно начал Леша, смотря прямо перед собой. – Ты сам никак... никак не можешь... к ним зайти?

– Нет, – отрезал Сережка. – Больше не спрашивай никогда. Только разозлишь...

Лешка зябко передернул плечами: холодом повеяло.

Сзади яростно загудели – зеленый!

Нажал на газ, повернул на трассу, заехал в автобусный «карман», остановился, включив «аварийку».

– Ладно, я пойду. – Сережка посмотрел на него, Лешка отвел взгляд. – Слушай внимательно, зачем я приходил... Всё, абсолютно всё, что предложит тебе Поплаков, очень серьезно! Ты должен принять его предложение. Оно имеет все шансы на успех. Не просто успех, а нереальный, космический взлет, понял?

Поджал губы, скривил лицо в своей коронной обаятельно-презрительной гримасе. Торговая марка «Сергей Лазари».

– Поплаков та еще птица... очень высокого полета. Самого высокого.

– Неужели? – недоверчиво покосился Леша.

Лазари только фыркнул: мол, сомневаешься в моих словах?

– Человек такого уровня, как Поплаков, не будет светиться перед каким-то... доктором. На деле мэр – всего лишь необходимое прикрытие.

Вокруг было пусто. Шуршание шин редких машин. Мерные щелчки аварийки, ритмичные желтые вспышки поворотников.

– Каким бы пьющим он ни был, остается человеком умным. Дальновидным и порядочным. Порядочным в рамках моего определения.

– Ага! – Леша кивнул.

Умный человек. С чувством меры. Порядочный, то есть тот, кто за мелкую выгоду большой подлости не сделает, – это определение родилось в застольной беседе Лазари, Лешки и их

друга, ортопеда Вадика Кутника. Впоследствии Лазари ненавязчиво потеснил их в сторону, оставив лишь одного автора – себя.

– Поэтому отнесись к его предложению серьезно. У вас с ним все выйдет наилучшим образом. Понял?

Лешка кивнул.

– Беседер⁶...

– Ладно, старик. – Сережка снова толкнул его кулаком в плечо, подмигнул. – Я пошел.

– Мотоцикл, как всегда, за углом? – ответ Леша знал заранее.

– Где же ему еще быть? – философски пожал плечами Сережка, распахнув дверцу и ступив одной ногой на тротуар. Повернулся к нему вполоборота, усмехнулся: – Конечно, ждет меня за углом.

Вышел, нырнул в густую ночь и исчез.

Лешка нервно зевнул, зябко передернул плечами. Выключил аварийку, ударил по педали. Машину чуть повело юзом, пахло жженой резиной, но немецкая слаженность механизма – айн, цвай, полицай! – победила, выровняла «бэху», и она рванула к аэропорту.

⁶ Беседер (*шпр.*) – здесь: заметано.

3

Гриша нагло припарковал «кадиллак» перед самым въездом на платную стоянку, почти перегородив его, заставляя водителей резко сбавлять ход и аккуратно протискиваться мимо.

Над машиной навис рекламный щит, и в его отсветах жемчужный металлик переливался радугой. В сочетании с мерно мигающими красным стоп-сигналами аварийки это создавало настроение радостной дискотеки.

Гриша засек хозяйскую машину, как только она свернула с дороги, и уже стоял рядом с дверцей с саквояжем наготове.

Леша притормозил, стекло поехало вниз.

– Добрый вечер, босс! – Гриша просунул в окно портфель, положил его на сиденье рядом с водителем. – Удачи вам!

– Да уж... – вздохнул Леша. – Удача нам нужна... Счастливо, Гриша!

– До скорого, босс! – Гриша отсалютовал, как честь отдал. Подхалимаж с глубоко спрятанной издевкой.

«Уволить бы его, барин! – назидательно сказал сам себе Алексей и вздохнул: – Ты же знаешь – пока не могу... Кто тебе еще так в одиночку больных развезет, где другие бы закрыли три машины, а? Молчишь? Вот и молчи, пока замены не будет...»

Аэропорт Сде-Дов отличается от пронизанного ароматами парфюма и шоколада имперского Бен-Гуриона, как заношенный любимый домашний халат с неистребимым бурым пятном на правом рукаве (след неизвестного, но стойкого напитка) отличается от элегантного токсидо⁷, увитого атласно-алым кушаком.

Платная стоянка. Выщербленный колесиками тележек асфальт дорожки. Южная ночь, особенно темная от желтых пятен света из окон одноэтажного здания аэровокзала и красных углей сигарет, мерцающих светлячками тут и там.

Широкая спина Левона была видна издали благодаря росту и белой тенниске. Когда-то она светила в темноте гордым атлетическим треугольником, обрушенным вершиной вниз, – плод многолетних занятий классической борьбой. Сейчас – увы! – треугольник превратился в квадрат, сдающий свои позиции овалу.

Левон курил – привычка, вернувшаяся на свое место после двух лет ежедневной борьбы с самим собой. Вот он развернулся всем своим мощным торсом, взгляд радаром прочертил пространство и наткнулся на Леху.

«Если Инка его сторговала, – подумал Леха, легкая улыбка осветила изнутри глаза, – он, как только меня увидит, задерет возмущенно подбородок».

Густая, иссиня-черная сирийская борода Левона воинственно взметнулась вверх, нацеливаясь острым концом на Лешу. Он развел руки в стороны, призывая небо и высшие силы в свидетели своей правоты, и сделал первый шаг навстречу Лешке.

«Сейчас поймет, что раз он здесь, значит, сам согласился, никто его насильно в наручниках не тащил и, следовательно, возмущаться мной нечего, а надо жаловаться на сучку Инну».

Щеки Левона надулись, словно у обиженного ребенка, а мощные ноздри взволнованно затрепетали, но тут же застыли.

«Дошло – факт приезда говорит сам за себя: сучка знает его истинную цену, и виноват в этом он сам. Жаловаться хозяину сучки – глупо, если не унижительно, означает полный крах и капитуляцию».

Лицо Левона, как, впрочем, и почти всех, с кем Лешке приходилось сталкиваться (спасибо тебе, Лазари!), читалось, словно школьный букварь.

⁷ Смокинг.

Разведенные в стороны руки, только что призывавшие в помощь небесные силы, развернулись теперь ладонями к Алексею, и Левон экспансивно потряс ими в воздухе, подчеркивая жестом радость встречи:

– Леша, дорогой, тысячу лет! – Левон говорил на правильном русском, но с неотчетливым, мягким бакинским акцентом, на который накладывалась еще и певучесть иврита.

Это придавало некое очарование его речи и, как ни странно, дополнительный вес его словам, когда он беседовал с больными. Они послушно следовали его советам, как бандерлоги за Каа, – для нарколога плюс немалый. Имя Левона передавалось с трепетом по цепочке и обрастало легендами – возникло стойкое убеждение в успехе его лечения и полном отсутствии неудач.

Он прирастал клиентами, все чаще задумывался о переезде в новый дом, где его многочисленным и шумным домочадцам – жене, теще, трем детям, кошке, двум здоровенным псам, попугаю-матерщиннику и постоянно проживающей в доме под видом прислуги любовнице (какая из двух ее функций была первичной – не знал никто, а сам Левон молчал партизаном) – было бы просторно и вольготно.

В кругу друзей ходили упорные слухи, документально, впрочем, ничем не подтвержденные, об обоюдном знании его женщинами своих функций, их молчаливом согласии на такое разделение домашних забот и вполне мирном, если не сказать идиллическом, сосуществовании.

Сплетни на эту тему в мужском кругу друзей Левона мгновенно превращали их из крепких, состоявшихся мужчин, солидных глав семейств, в шипящих баб с черными от полыхающей в них зависти глазами.

– Женщины Левона, – судачили обычно друзья за обильным столом (в отсутствие героя, конечно), – перебрасываются за домашней работой – постирушкой, варкой борща – звонкими шутками-прибаутками по поводу его мужских качеств с полным взаимопониманием...

Мрачнели лицами, вздыхали и выпивали по полной, до дна, не чокаясь... Поминки по своей ушедшей молодости.

Рукопожатие Левона было крепким, но не чрезмерно.

– Привет, дорогой! – Лешина улыбка – его фирменный торговый знак. Собеседник мгновенно чувствовал искреннюю расположенность Лешки к нему и светлую радость от встречи именно с ним, единственным и неповторимым.

Устоять перед ней было невозможно, и Левон просиял в ответ.

– Левон, родной, ничего не забыл?

– Обижаешь, начальник! – осклабился тот на тюремный манер, указывая на чемоданчик, и перешел на рыночный говор с азербайджанским акцентом: – Всё здесь! Дормикум, вабен, валиум... всё есть, э! Бери что хочешь...

– Как это? – удивился Лешка, приостановился. – И это всё?

– А что еще? – пожал плечами Левон, наивно хлопнув ресницами. – Больше ничего на этом этапе не надо...

– Черт! – огорченно цокнул языком Романов. – Ни тебе блокеров, ни другой экзотики... Знал бы – один бы справился...

И спохватился – уж больно невинным был взгляд Левона.

– Ты кому заливаешь, лиса старая? – ухмыльнулся Романов. – Куда ты без блокеров и прочей твоей секретной атрибутики, а?

– Блокеры и секреты за отдельную плату! – подмигнул Левон.

– Клиент платит, – беспечно отмахнулся Леша. – Погнали!

4

Всего за сорок минут полета, а может, и чуть меньше, ночь на улице успела превратиться из просто южной в утробу остывающей духовки. Огни аэровокзала неотчетливо мерцали в жарком мареве, а сам воздух, казалось, потрескивал, освобождаясь от дневного зноя.

Тенниска Левона моментально прилипла к спине и потемнела.

– Ты не растаешь? – спросил Леша, бросив любопытный взгляд на истекающего влагой Левона, пока они топали по расчерченной зеброй дорожке. Аэропорт в Эйлате без затей, как шашлык на рынке – просто, быстро и сердито.

– Как же ты в Баку-то держался, а?

– В Баку во мне было килограммов на двадцать пять меньше, – пропыхтел Левон и быстро перешел на более интересную тему: – Народ говорит, бизнес у тебя прет в последнее время – только успевай мешки таскать, да?

Когда они в самолете щелкнули застежками ремней и Левон, глянув на Романова любопытным влажным восточным глазом, открыл было рот, Леша упредил его вопросы. Заявил, позевывая, о смертельной нехватке сна и, смежив веки, ушел в притворную дрему. Но сейчас хочешь не хочешь, а поддерживать беседу надо.

– Не жалуюсь, – нейтрально кивнул Леша.

– Он не жалуется! – хмыкнул Левон. – Ты уже лет пять как не жалуешься. А сейчас все другие жалуются. Конкуренты, в смысле. Без работы, говорят, всех оставить хочешь?

– Я тебя умоляю! – махнул рукой Леша. – Плачут они! Наши еврейские дела – лишь бы поплакаться. Как работали, так и работают.

Отшутился, ушел от ответа. Левон, правда, скорчил недоверчивую гримасу. Но весьма кстати подошли ко входу, смешались с тягучей толпой, медленно вползающей в проем дверей, а тут и лента багажа закрутилась, выплевывая багаж, – в Израиле с этим быстро.

Тема закрылась. Лешка понимал – временно. Левон обязательно влезет ему в печенки. Мысленно поставил для себя галочку: успех, хотя он никак его не афишировал, без внимания окружающих не остался.

– Ладно, разберемся... ежу понятно, что это в любом случае вопрос времени.

– Лешка! Не лети, дай покурить, – взмолился Левон, когда они получили багаж и Леша во главе их маленькой команды устремился к такси. – Один хрен пять минут ничего не изменят! Да и тебе названивали бы, случись чего с твоим мэром.

Леша еще в самолете, с ударом шасси о землю, проверил телефон, или, как он его называл, «кислород».

Почему кислород? Ясно же! Стоит забыть его, оставить на пять минут вне пределов досягаемости, как начинает Романов крутить по сторонам головой, задыхаться.

Все тихо, ни одного сообщения, ни одной панической эсэмэски, слава богу.

– Ты как – держишься? – Левон поднес зажигалку к сигарете, прикрывая огонек от ветра ладонью. Красный, неприятный отсвет в глазах.

– Девять месяцев. Хотя тянет иногда... – Леша вздохнул. – Сил нет, как иногда тянет.

– А я вот, видишь, в Москве сломался. Друзья, кабаки, хавчик, сам понимаешь, выпивка. – Левон мощно затянулся, шумно выдохнул. – Два года псу под хвост... – Решительно тряхнул головой: – Ничего! Вот увидишь – брошу! Скоро! – Посмотрел на Лешу в упор: – Не понимаю, чего ты бросил! Живешь один, ни детей, ни жены. Ответственности ни перед кем никакой. Денег – выше крыши! Гуляй, пей, кури...

– Ладно! – непонятно для самого себя вспыхнул вдруг Леша. – Поехали, проповедник. Хорош болтать!

– Не сердись! – Левон примирительно выставил руки ладонями вперед. – Извини, не хотел тебя зацепить.

– Не извиняйся, не зацепил... – буркнул Леша, распахивая дверцу машины.

5

– Да-а... – протянул задумчиво Левон, когда белл-бой проводил их до дверей сюита Поплакова и, открыв дверь служебной карточкой, пустил их в номер: – Идиллия, однако...

В сюите стояла ностальгическая атмосфера пионерского «тихого часа».

Все следы пьяного дебоша были аккуратно ликвидированы, включая разбитую балконную дверь. Номер чисто прибран, ни одного брошенного носка в пределах видимости.

От взгляда внимательного наблюдателя из школьных учебников физики, возможно, не укрылась бы пальма в кадке – аналог российского гостиничного фикуса, – чьи листья были посечены осколками стекла. Единственный не устраненный свидетель чиновничьего безобразия.

В гостиной, раскинувшись в кресле, выкатив далеко вперед из-под задравшейся майки арбузное огромное брюхо, мощно храпел Толстый Моти. Из спальни ему вторил, не уступая в силе, невидимый с этой точки обзора Поплаков.

Первый же вдох полностью уничтожил аналогию с пионерлагерем.

(А может – вовсе и нет? Кто его знает, что творится в обителях нынешних бойскаутов?)

В воздухе – острый спиртовой дух, какой может дать только недавно разбитая бутылка водки. На него накладывался тяжелый многодневный перегар и запах стоялых пепельниц. Витал еще и аромат какой-то неопределенной, но острой пищи – авторство добавки явно принадлежало Толстому Моти.

– М-да... – хмыкнул Леша, сморщив нос. – В углу валялись старые валенки дворника... – И безо всякого перехода звонко гаркнул: – Р-рота, подъем!!!

Левон шарахнулся в сторону от неожиданности.

Толстый Моти перестал храпеть, заворочался и непонимающе распахнул глаза. Поплаков команду проигнорировал начисто – так и продолжал храпеть.

– Доктор! – просипел Толстый Моти на иврите и прокашлялся. – Я тут задремал немного... ночь... устал...

– Бэседер гамур⁸, Моти! – Романов перешел на иврит, развел руками, всем своим видом демонстрируя полное удовлетворение от выполненной работы. – Вы тут просто молодцы! Слов нет – тишина, порядок... Жалоб не было? Полиция не приезжала?

– Не-а... – довольно осклабился Моти. – Успели предотвратить.

– Молодец! – повторил Романов. – Как он?

– Вроде в порядке. – Толстяк пожал плечами. – Всё как вы сказали. Дал выпить водки. Уговорил заесть икрой...

– На каком языке уговаривал? – сверкнул глазами любопытный Левон. – Ты же по-русски ни бумбум, а он больше ни на каком языке не рубит.

– Доктор Алексей, а это кто? – осведомился Толстый Моти, разглядывая Левона с легкой неприязнью.

– Это доктор-похметолог! – Романов значительно потряс указательным пальцем, подмигнул Левону. – Самый важный сейчас врач, понял?

– Poh-me-to-log, – по слогам, кивая в такт головой, уважительно повторил незнакомое слово Моти.

– Все, дорогой, свободен. – Несколько зеленых сотенных купюр прошуршали и затерялись в пухлой кисти толстяка.

⁸ Полный порядок (*ивр.*).

– Доктор Алексей, в самом деле, зачем?.. Я же только из уважения... я же к вам, как к старшему брату... – прижав руку (в которой, впрочем, денег уже не было) к груди, бормотал Моти, исчезая за предусмотрительно раскрытой Романовым дверью. – Я же для вас...

И, вздохнув с укоризной, растворился в полумраке коридора, будто и не было его вовсе – отличительная особенность вышколенной гостиничной прислуги, адвокатов и демонов.

– Ну-с, снимайте ваш бурнус! Начали, коллега! – Леша с силой помассировал щеки, пытаясь снять усталость. Взглянул на Левона и увидел в его лице отражение своего: воспаленные от недосыпа глаза, опухшие тяжелые веки. Хмыкнул, скривил губы – сколько еще он протянет в таком ритме?

Поплаков выглядел откровенно плохо. Густые спутанные волосы пропитались поктом насквозь и походили на свалявшуюся шерсть.

– М-да... – протянул Левон, сморщив нос. – Помнишь, в старое доброе застойное время выпускали совместный совково-французкий одеколон. Рекламировали его топорно, типично по-нашему: «Каскад естественных ароматов»... Здорово сейчас ложится, в тему, скажи?

– Делом займись, генацвале, делом!

Леша споро собирал «полевой военный госпиталь». Раздвижная тренога с крючком на макушке, с подвешенным на нем литровым пакетом с раствором Хартмана, уже высилась в изголовье кровати. На прикроватный столик водрузили кардиограф, рядом с ним тонометр, миниатюрный пульсовой оксиметр.

В отдельном пластиковом ящике со множеством отделений – Леша во всем, что касалось работы, аккуратист был невероятный – лежали иглы, шприцы, пластиковые внутривенные канюли и прочие одноразовые друзья анестезиолога.

– Да? – надменно поднял Левон брови, усаживаясь в кресло и закинув ногу на ногу. – Ты мне его для начала в порядок приведи, пускай глазки откроет, соображать начнет. Кто из нас двоих реаниматолог?

– Господи! Как же я вас ненавижу! – с чувством гаркнул Леша, прижав руку к сердцу. – Всех! Терапевтов, хирургов, наркологов... Всех! А уж пластиков – вдвойне! Строите из себя белую кость, носик морщите при виде черной работы. Аристократы, блин, это не для вас! Для этого есть рабочие муравьи, морлоки...

– Кто-кто? – заинтересовался Левон.

– Классику надо читать, а не только деньги считать, модный доктор! – язвительно сузил глаза Леша. – Приедешь, залезь в «Википедию», посмотри, кто такой Герберт Уэллс, понял?

– Понял-понял... – покивал Левон. – Давай дальше, интересно излагаешь...

– Ага, интересно ему... А как с больным чего случается, тут же глаза навывкате, морда белая, ручки трясутся, и бегом к анестезиологу: «Спаси нас, дяденька доктор!»

– Работать будем, спасатель? – благожелательно улыбнулся Левон. – Ночь на дворе! – И длинно зевнул: – А-а-а... – потянулся блаженно. – Модный доктор... На себя посмотри, миллионер от медицины!

– Я бы попросил... – Леша закончил разворачивание полевого военного госпиталя, оценил придиричивым взглядом результаты своего труда и поставил мысленно себе «отлично». – Считай свое бабло, а со своим я справлюсь.

Вздохнул тяжело – ничего не поделаешь! – и потряс Поплакова за плечо:

– Алексей! Встаем! Доброе утро! Неопределенное мычание, в котором, однако, опытное ухо человека, воспитанного в русскоязычной среде, улавливало скрытое присутствие великого трехбуквенного слова.

– Давай, Алексей Николаевич! – Леша без церемоний потрянул Поплакова до клаянья зубов.

– Нахъелядь! – громко высказался чиновник и после паузы добавил с интонацией гроссмейстера: – Мать!

– Господин Поплаков! Алексей!

– О-о... – разлепил наконец веки Поплаков и уставился на Романова мутными голубоватыми глазами.

Леша почти осязательно увидел, как по зрительным нервам, разбрасывая по сторонам вспышки коротких замыканий, идут в мозг импульсы. Взгляд стал приобретать осмысленность, и пришло – слава богу! – узнавание:

– О-о... гас-спадин Романов... – Поплаков расплылся в улыбке. – Царь-батюшка наш, можно сказать...

Попробовал сесть, распахивая неуверенные объятия, но тут же грузно осел и неуклюже, словно рыбацкий баркас, завалился на бок.

– Лежите, Алексей, отдыхайте. – Леша мягко придавил Поплакова к кровати, выпрямляя его руку и разглядывая ее в поисках вен. – Сейчас мы вас, батенька, полечим маненько, все пройдет и все будет очень хорошо...

Левон сидел, скрестив руки на груди, неуловимо напоминая боксера в углу ринга перед боем.

– Что-то мне, Лешенька, хреново, – уже вполне членораздельно пробормотал Поплаков. Из глубин его большого, когда-то налитого мышцами, а сейчас просто рыхлого тела рвалась наружу нервная дрожь. Леша втянул в себя воздух. Поморщился – многодневный перегар, но...

– Ацетоном не пахнет? – расшифровал его движение Левон.

– Слава богу! Ни ацетоном, ни мочевиной...

– Прошу прощения? – в глазах Поплакова замерцали неоновыми бликами искры разума.

– Я говорю – все в порядке, Алексей Николаевич! – улыбнулся Леша, накладывая жгут.

Вены у Поплакова мощно ветвились – маленькие радости анестезиолога.

Взял из ящика розовый венфлон⁹.

Укол. Поплаков не шевельнулся, как и подобает правильному пацану.

Черная кровь в павильоне иглы. На месте. Зафиксировать прозрачной клейкой пленкой «тагадерма». Подключить систему. Всё.

– Мой выход. – Левон со вкусом потянулся, хрустнул шеей. – Иди, отдыхай. Приходи через час. Будет как новый.

И зашелестел упаковками лекарств, наклонившись над своим саквояжем.

– А чего делать будешь? Посмотреть можно?

– Иди-иди... Любопытный, понимаешь, – проворчал Левон как бы в шутку, но на деле всерьез. Сегодня посмотрит, завтра поймет, а послезавтра сделает без дяди Левона. – Иди, кофе пей, по набережной пофланируй... Ты когда последний раз на море был, приморский житель?

Леша неопределенно хмыкнул.

– Вот-вот... Иди, отдыхай! – кивнул ему Левон. Лешка помедлил, затем пожал плечами – собственно, почему бы и нет? – кивнул согласно в ответ и вышел, почему-то осторожно, словно уходящий любовник, прикрыв за собой дверь. Чуть слышно щелкнул замок.

⁹ Внутривенные канюли, «венфлоны» – пластиковые полые трубочки для внутривенного введения жидкостей и лекарств – имеют разные калибры, по цветам: от коричневого – самого крутого, до голубого – младенческого. Розовый венфлон – это как бы детская, нелюбимая крутыми спасателями всех стран канюля.

6

Ночь догорала.

Нет, жаркое море, не покидающее летний Эйлат, все так же дрожало огоньками кораблей на рейде, и подмигивал им в такт с левого берега залива иорданский город Аккаба. Все так же плыл со скамеек на набережной дымок сигарет, смешанный с неразличимой беседой и легким смехом.

Откуда-то слева доносилась порывами лихая песня с пьяным надрывом, на английском, но при этом рождающая в душе вечный «Эх-х, мороз, мороз». Справа еще слышалось глухое «Туцц... Туцц!» басов дискотеки, и по небу еще металась красно-зеленые лазерные лучи, но ночь догорала.

По набережной тек слабый людской ручеек сплошь из усталых юных пар – ни детей, ни одышливых степенных дам, ни лиц солидного супружеского возраста. Из огромной, устремленной в небо рогатки уже не летел бешено крутящийся шар с парой визжащих в нем мазохистов под садистские крики толпы внизу.

Курорт вымотался и блаженно засыпал сном горячих, в бисеринках удовлетворенной страсти молодых тел, разбросанных в самых различных позах на самых разнообразных ложах.

Лешке вдруг пронзительно, до мгновенного пота на лбу захотелось курить. Взгляд уже и рванулся услужливо – я мигом, хозяин! – направо, где метрах в ста светилась реклама супермаркета «24/7». Романов глубоко вздохнул и медленно выдохнул, безжалостно подавив искушение.

«Ну и? Кому и что ты сейчас доказал? – зло подумал Алексей. – Уважение в своих глазах завоевал в очередной раз? Не скажет ведь верная супруга назидательно детям: берите с папы пример, вот у кого сила воли! Не подумает старший сын, продолжатель рода: буду во всем, как папка... нет! Даже в кругу друзей пожмут недоуменно плечами: на хрена ему этот здоровый образ жизни?»

Лешка направился было к морю, но передумал – песок набьется в туфли, носки... не терпел он этого. Остановился у ограды, оперся на нее подбородком.

«Прав Левон. Пей, кури, трахайся... впрочем, в неисполнении последнего завета меня никто упрекнуть не может». Лешка скривил рот в подобии улыбки, что смотрелось скорее оскалом.

Куда он летит загнанной, в мыле и пене, лошадь? Для кого миллионная квартира в Рамат-Авиве? Постоянно растущая, как зубы у крысы, компания?

А крысиные клыки, между прочим, если она, крыса, не будет их безостановочно стачивать, в своем безудержном росте пробьют ей же мозг. Это надо помнить. Законы биологии...

Банальные вопросы из мексиканских сериалов. Только это не сериал, а его реальная жизнь. А банальные вопросы, как правило, требуют тяжелых ответов. Они, наверное, для того и названы банальными, как лазейка от ответа. А раз приклеен ярлык, то можно с полным правом просто пожать плечами и сказать: «Это же банально, старина!» И весь сказ...

Прав Левон, прав, хотя и завидует отчаянно, но сказал от сердца. На самом деле все просто – давай посмотрим правде в глаза: гонится он за Сережкой. Всегда гнался, пытался доказать, что не хуже, и сейчас продолжает уже по инерции, всё всем доказано, и им с Сергеем, и всё всем понятно, и Сережка сейчас зависит только от него... В прямом смысле этого слова, между прочим...

Лешка вздрогнул и резко дернул головой по сторонам: легкий тычок кулака в плечо, коронное Сережино приветствие, – был он или показалось?!

Нет, пусто, никого. Показалось.

Лешка вздохнул, грустно или, наоборот, облегченно – сам не знал.

Сережка запросто мог и в Эйлате объявиться. Всегда был непредсказуем, легок на подъем, всегда готов учинить очередной прикол, с горящими, завидующими глазами, а уж сейчас тем паче, как два пальца об асфальт...

Лешино лицо осветилось той особенной улыбкой, которую рожают лишь радостные воспоминания, – одно воспоминание рождало другое, как зубчики одной шестеренки запускают весь часовой механизм.

7

«Господи, декабрь здесь, как май у нас!» – первая мысль на исторической родине.

Такси довезло до дверей назначенной ему Министерством абсорбции гостиницы в столице Юга. Он, новый репатриант, напоминает взъерошенного воробья – голова крутится по сторонам, готов клюнуть врага. Смешон он, наверное, со стороны – в меховой шапке, длинном пальто под южным небом.

Радио в номере – полное отчаяние! Ухо не улавливает ни одной ассоциации, ни одного слова – набор гортанных звуков. Боже, я этот язык никогда не осилю!

Министерство абсорбции. Обшарпанное здание. Ветер носит смерчками песок, крутит бесчисленное множество оранжевых пластиковых пакетов. Как грязно! Куда меня занесло?! И как разобраться с лифтом, где вместо цифр непонятные символы на кнопках? Спасибо улыбочивым прохожим – помогли. А в самом министерстве потрясла искренняя, и от этого еще более неожиданная радость чиновниц министерства: с возвращением домой тебя, Алексей Романов, «оле хадаш»¹⁰!

– Домой? Я вернулся домой?! Я вернулся домой!

И внезапно для самого себя, раскинув руки в стороны и глубоко вздохнув, он раз и навсегда, бесповоротно и окончательно принял Страну.

Принял ее такой, какая она есть: всегда шумная, иногда бестолковая, подчас неприбранная, но никогда-никогда – чужая!

Экзамен на подтверждение врачебного диплома? Ерунда-то какая! После Первого Меда, да после «Бакулевки», да после «Склифа» – это нам как два пальца об асфальт... Письменный? По американской системе «вопрос – ответ»? Ну-ка, взглянем на вопросы... Стоп-стоп! Это что за... это мы не... это нам не...

Даже сейчас, в Эйлате, со всеми сданными экзаменами за плечами, сердце екнуло и залило вены холодом, как тогда, двадцать пять лет назад, когда он ясно осознал, что медицину-то он знает не очень...

И это внезапно осознали все или почти все (кроме самых недалеких) бывшие врачи, вновь ставшие студентами с одним и тем же озабоченным выражением лица – где учить, что учить? Все кучкуются, перешептываются, информация – на вес золота!

Курсы подготовки к экзамену на подтверждение диплома. Врачей все больше и больше. Открылись шлюзы – поток репатриантов затопил Израиль. Ходят слухи о новых правилах передачи, пересмотра, ужесточения и т. д. «Где на всех зубов найти? Значит, безработица!» – как справедливо пел Высоцкий.

Леша кожей чувствовал оправданность слухов, на экзамен надо было идти сейчас – каждый последующий обещал быть много жестче предыдущего.

В решении своем он укрепился на первом же занятии на медицинских курсах. В зале сидели не менее двухсот потенциальных конкурентов. Их всех необходимо было опередить.

– Конкурентов считаешь? – жилистый, спортивный блондин с ранними залысынами, которые, как ни странно, лишь добавляли к его харизме. Как и голубые, полные отчаянной жизни глаза. Поджарый, пластичный, ни дать ни взять русская борзая. Он протянул руку. Протянул легко и открыто, без камня за пазухой.

– Лазари. Сергей.

Ответное крепкое, мужское рукопожатие.

– Романов. Алексей. – И неожиданно для себя добавил: – Только вряд ли еще увидимся. Я лично иду учиться сам.

¹⁰ Оле хадаш – новый репатриант (*ивр.*).

Глаза Лазари округлились и стали совершенно детскими.

– Как – сам? По каким источникам? Английский знаешь?

– Как родной, – усмехнулся Лешка.

Лазари подскочил, и его взгляд приобрел броневой пронзительность:

– Слушай! – проникновенно зашептал он. – Давай вместе учиться? Давай, а? У меня с женой квартира классная. Обед, ужин – макароны, всё обеспечим! Только давай учиться вместе! Ты один?

– Один, – ответил Леша, мысленно удивляясь, почему не посылает незнакомого наглеца на три буквы.

– Вот! – Лазари радостно хлопнул себя по бедрам. – Будешь на домашнем довольствии... Ты откуда?

– Москва...

– Класс! – подмигнул Лазари. – А я – питерский! Видишь? Судьба! Общий язык!

– Ага... – съязвил Леша. – Скажи «подъезд».

– Парадная, – невинно откликнулся Лазари.

И Леша, вместо того чтобы откланяться под вежливым предлогом, поддавшись этому наглому, ходячему обаянию (а кто бы устоял?), улыбнулся и услышал сам себя со стороны:

– Ладно, попробуем! Чем рискуем? Максимум разругаемся через пару часов.

Оба встали и не оглядываясь вышли навсегда из лекционного зала.

– Слышь, Леха, – озабоченно поинтересовался Лазари, – а по каким источникам будем учиться?

– Слышь, Серый, – в тон ответил Романов, – а вот это твоя задача – узнать, по каким. Моя задача – нас учить, окей?

Глаза Лазари озорно сверкнули неслышной голубой молнией:

– Сто пудов! Это я обеспечу.

Стрелки часов памяти отмерили первые десять минут из пятнадцати сочных лет, застыли на мгновение и разом перескочили на полгода вперед.

8

– Начало положено, – уныло сказал Леша, когда свирепая радость от сдачи экзамена сменилась на следующее утро похмельем. – Теперь надо этот, как его... «эйтмохут» искать.

Новое пока слово. Не обкатанное. Нет аналогов ни в прежнем словаре, ни в прежней жизни. Стажировка? Нет, слабо. Ординатура? Теплее, но тоже не отражает сложности процесса. Точно соответствует только американское название – «резидентура», правда, русское звучание придает этому слову отчетливый, но абсолютно неверный шпионский оттенок. Нет здесь страстей в стиле плаща и кинжала, а только тяжелая рабская пахота. Ибо с получением диплома врача муки становления только начинаются. Диплом общего врача означает одно – ты есть никто и звать тебя никак. Хочешь стать специалистом – начинай пяти-, а то и семилетнюю учебу. Работай как каторжный и учись как проклятый. зубри наизусть тысячи страниц английского текста по хирургии, внутренним болезням, физиологии. Сдавай тяжеленные экзамены шлав «алеф» и шлав «бет»¹¹ – экзамены первой и второй ступени на пути к вождьленному званию специалиста. И терпи, стиснув зубы, презрительное к себе отношение. Ибо пока ты через это не прошел, помни: ты пустое место в медицинском мире, и как звать тебя?.. Правильно! Никак...

Стрелки часов еще на месяц вперед

– Странно, – пожал плечами Лазари. Шел первый день резидентуры. – Я говорю всем «шалом», а в ответ – тишина.

– Некому отвечать, – фыркнул Леша. – Не видно нас. Не существуем мы для них. Они «синьоры»¹² а мы тени для черной работы. Но это, Серый, временно. Отвечаю.

Стрелки вперед еще на два года.

Шлав «алеф», говоря русским языком – экзамен первой, начальной ступени к званию специалиста, – висел на носу. Получили месячный учебный отпуск, и хватит!

Леша не давал продыху. Тексты в книжных кирпичках – наизусть! Чтоб от зубов отлетало! Пощады нет: вопрос – четкий ответ. На русском, на иврит перевел! Отчеканил мне, как устав! Нет? Не выходит? Пошли по новой! И еще! И еще! Левоу, левоу... Не отставать!!

Сережа пыхтел, заводил к небу мученические глаза, хмыкал, строил угрюмые рожи – ничего Лешу не брало. Ленин сказал учиться – значит, учиться! Пятнадцать часов в день с перерывом на пятнадцать минут каждые полтора часа и одним перерывом на обед (в пятнадцать часов не входит!). В пять утра – подъем, холодный душ, смертельно опасный кофе, и в половине шестого сели, как дети в школе!

– Романыч! Романыч!!! – взмолился Лазари как-то вечером, на второй неделе боевой учебы. – Слышь? Давай сегодня на час раньше закончим, по пивку тяпнем?

– С дуба рухнул? – отрезал суровый Романыч и сглотнул набежавшую слюну. – Забыл про пиво, будто амнезией накрыло, понял?

– Понял, Романыч, понял! – согласно закивал Сережа. – Давай тогда на полчаса раньше закруглимся?

Он сочно зачмокал губами:

– «Лёфф-Блонд»! Холодное, запотевшее! В остуженных заранее стаканах. Полчаса ведь не вопрос, один раз, а?

И точно, скотина, изобразил шипение пивной пены в стакане.

– Нахал ты, Лазари! – взвыл Леша. – Черт с тобой! На полчаса, не больше...

¹¹ Алеф и бет – первые две буквы ивритского алфавита.

¹² Синьоры – старшие врачи отделения, специалисты.

Но уже падал отброшенный мощным Сережиным скачком стул. Уже быстро распахнулась и со стеклянным звоном захлопнулась дверца холодильника на кухне.

– О! – радостно гаркнул Лазари, возникая в дверях кабинета.

В руках он сжимал бутылку замороженной водки «Кеглевич» – роскошь по тем нищим дням, когда «Абсолют» высылся недостижимым Эверестом, – и две заиндевевшие стопки.

– Ты с ума упал, Лазари! – растерялся от неожиданности Романов. – Какая, к чертям, водка?

– Так ведь пива нет! – просиял лучезарно Сережа.

Было три часа дня.

В котором часу они подкатили к заправке на полпути к Тель-Авиву, никто из них потом вспомнить не мог; за первым «Кеглевичем» без перерыва пошел второй – но ночь уже уверенно вошла в свои права. Оба потом сошлись на том, что на улице было темно.

Леша вылез в люк раздолбанного Сережкиного «ситроена», по числу пройденных им до Лазари хозяйских рук приближающегося к Будде, уселся на крыше и сорванным голосом орал уличному движению: «Лыжню! Лыжню!»

Уличное движение делало круглые глаза и поспешно разбегалось кто куда.

Следующая картинка, застрявшая в памяти: занюханная кафешка в районе Центральной автобусной станции – излюбленный задний фон телерепортажей на тему нищеты и бесчеловечности израильского капитализма.

Две большие порции хумуса¹³ с фалафелем¹⁴ и две большие кружки бочкового пива.

– Сорок шекелей, – буркнул хозяин.

– Не буду платить, пока не принесут счет, как-к па-ал-ложено, – вдруг вскинулся Леша.

Хозяин поднял на него грустные, философские, одним словом – еврейские глаза, вздохнул и на первом же лежавшем на прогорклom прилавке клочке бумаги написал коряво карандашом: «40 шек.». И со словами: «Счет, сэр!» – торжественно вручил его Леше.

Сережа булькнул пивом и покатился со смеху.

Хозяин улыбнулся и налил им две большие стопки водки – за счет заведения.

Потом смутно помнился пробег по крышам длинного ряда припаркованных машин (платная стоянка?). Испуганно и нервно включались одна за другой сигнализации, мигали аварийки. Чья-то ругань вслед их бешеному бегу, под одобрительные крики прохожих... и – всё. Провал. Черная дыра.

Леша усилием воли повернул глаза в глазницах. Сережа застывшим истуканом острова Пасхи сидел в позе лотоса и смотрел на серое рассветное море.

Уловив Лешкино шевеление, посмотрел на него и подмигнул:

– Доброе утро, болезный!

– Здорово! – прохрипел Романов. – Ну чего? Два дня учебы псу под хвост? А дома твоя Галя нас порубит на фарш, лишь только мы объявимся.

– Ага... – Лазари со вкусом потянулся, с хрустом напрягая тело. – Порубит в любом случае! Поэтому – купаться! Раз уж приехали!

И, морщась от головной боли, запрыгал на одной ноге, стягивая пропитанные ночной влагой липкие джинсы.

– А плавки? – глупо заморгал Романов.

– У меня трусы – супер! – ухмыльнулся Сережа. – А ты, Романыч, как знаешь...

И, окатив редких ранних, изнуренных фитнесом дамочек тучей брызг, врезался торпедой в воду.

¹³ Хумус – густая паста из растертого со специями гороха.

¹⁴ Фалафель – обжаренные в масле соевые шарики.

Лешка крякнул, сбросил штаны и с гиканьем помчался за ним, сверкая белыми подштанниками.

Какой скандал разразился по их возвращении, вспоминать совсем не хотелось...

Романов моргнул, свет улыбки мигнул короткой вспышкой и пропал. Вновь огляделся – нет, не мелькнул нигде долговязый силуэт! Сверкнул серебром циферблат часов под луной.

Пожалуй, пора...

Лешка вздохнул устало и побрел неспешно по ярко освещенной, разноцветной набережной назад к гостинице...

И замер тотчас настороженно – невдалеке мощно рыкнул мотор мотоцикла. На такой рык способен лишь один зверь на свете – «Харлей Дэвидсон». Но он больше не повторялся, растворился в ночи.

9

Леша тихо постучал в дверь номера, прислушался. Из-за двери доносилось приглушенное, неразборчивое, на два голоса бормотание.

– Это ты, дорогой? – голос Левона приблизился к двери, стал отчетливым. – Ждем-с, ждем-с! Открываю...

Леша вошел в гостеприимно распахнутую дверь. Сощурился яркому свету номера после коридорного полумрака, и... лишь опыт врача и бизнесмена удержал его от глупого выражения лица с выпученными глазами и отвисшей нижней челюстью.

Чисто выбритый, благоухающий «Шанелью» Поплаков чинно сидел в кресле – у Романова мелькнул в голове старинный оборот «в креслах», – одетый в безупречно белые полотняные штаны и попугайную шелковую «гавайку», униформу состоятельных русских на южном курорте.

Гладкие русые волосы аккуратно причесаны и влажно блестят, голубые глаза прозрачны и благостно, как ни в чем не бывало, взирают на Лешу. Левон стоял чуть сбоку, скрестив руки на груди и гордо вскинув бороду, – ни дать ни взять Пигмалион, представивший Галатею суду почтенной публики.

– Доктор Романов! – широко развел руками Поплаков и тут же их опустил, обозначив тем самым намерение обнять и посчитав это достаточным. С кресла тем не менее встал и сдвинул кисть крепко и долго, пристально посмотрев Романову в глаза.

Чиновничий язык жестов. Выражение одновременно и благодарности, и просьба о неразглашении, и угроза на случай неисполнения оной.

– Я вам очень благодарен... – Поплаков замялся, подыскивая нейтральные слова. – За ваш совместный с доктором Левон... своевременный визит.

– Алексей Николаевич! – Леша недоуменно пожал плечами. – Бога ради, врачи провели своего пациента! Всех дел-то... право, не стоит благодарности! Как самочувствие?

– Да как вам сказать... – неопределенно качнул головой чиновник. – В принципе, всё ничего, только вот, – он поводит рукой перед грудью, – тревога какая-то.

Леша вопросительно посмотрел на Левона. Тот беспечно махнул рукой – пустяки!

– Алексей Николаевич! – Он повернулся к своему саквою и зашуршал там лекарственной фольгой. – Примите сейчас, пожалуйста!

Левон протянул ему маленькую таблетку.

– Бензодиазепины, доктор Романов, банальные бензодиазепины, – прокомментировал он. – Никаких секретов. Обычный валиум.

Поплаков схватил таблетку и не колеблясь проглотил ее, посмотрев при этом на Левона преданными собачьими глазами.

«Да-а! – поразился про себя Леша. – Кудесник Левон. Матерый человечисце, профи, нечего говорить! Руки не трясутся... вообще трясучки нет! Взгляд совершенно ясный, не потеет... Красота! Так снять за час последствия десятидневного запоя... Легкая паника, ерунда! Аплодисменты в студию!»

– Через полчаса все пройдет, как не было, – улыбнулся Левон и протянул Поплакову руку. – Ну вот и все, Алексей Николаевич, рад был познакомиться.

Поплаков обхватил его кисть обеими руками и мощно потряс:

– А уж как я рад, доктор Левон... от всего сердца. – Он замялся: – А телефончик... если что...

– У доктора Романова есть все мои координаты, – продолжая улыбаться, тактично ответил Левон. – Поверьте, Алексей Николаевич, он меня из-под земли достанет.

«Правильно, Левончик, – мысленно одобрил Леша. – Знает собака, чье мясо ест».

– Левон прав! – широко улыбнулся Романов. – Вы же меня знаете, Алексей Николаевич, – найду всех и каждого за пять минут!

– Согласен, Алексей, – кивнул Поплаков. – До сих пор накладок у нас с вами не было.

– И не будет, господин мэр, и не будет! – подмигнул ему Леша в меру фамильярно и сменил тему: – Пойду, провожу нашего дорогого доктора...

– Только до двери, Леша, из номера – ни ногой, – шепнул суфлером Левон.

– До дверей, – не моргнув глазом, закончил фразу Леша, вытаскивая мобильник. – Поздновато... точнее, рановато уже... Всем отдохнуть пора.

Нашел номер Толстого Моти.

– Сейчас, Левончик, пристроим тебя поспать до самолета...

– Без проблем! – откликнулся Моти.

– Смотри, – тихо сказал в дверях Левон, – спиртного в номере нет, и блокеры я ему дал...

– А, таки дал!

– Это в счет не входило! – быстро добавил Левон.

– Вот Инессе и скажешь! – улыбнулся ласково Леша. – Ладно, это потом, давай дальше.

– Окей, – не стал препираться Левон, хотя при упоминании Инессы болезненно поморщился. – Но все равно может еще сорваться. Побудь с ним пару часов, а потом – велик наш Бог!

– Не вопрос. – Лешка подмигнул. – Колись, что ты ему дал?

Левон недоверчиво посмотрел на него:

– Ты в самом деле думаешь, что я тебе вот так запросто выдам все свои тайны? Все, что накоплено годами работы? Отсеяно из мировой литературы?

– Нажито непосильным трудом! – в тон ему подхватил Романов. – Два магнитофона, две кожаные куртки...

По уголкам глаз обоих проросли лучики понимающей улыбки. «Мы с тобой одной крови».

– Не, Левонич, не думаю! – покачал головой Леша. – Дурачусь, ваше благородие...

– Алексей! – капризным тоном позвал его Поплаков. – Можно вас на секунду? Прежде чем вырублюсь, хочу вас что-то спросить.

– Секундочку, господин мэр! – выразительно закатил глаза к небу Романов и беззвучно, но экспансивно выматерился, поймав сочувственный взгляд Левона. – Уже иду!

– На месяц его должно хватить, а дальше... – пожал плечами Левон.

– А дальше – его проблемы, – отрезал Леша.

– Угу, – кивнул Левон и вышел. Лешка смотрел ему вслед.

У лифта Левон повернулся:

– Леша, ты же классный доктор! Брось это на хрен! Женись, детей заведи, живи...

– С себя начни! – отрезал Романов.

– А что я? – опешил Левон. – У меня жена... – Замялся на мгновение. – И вообще... дети, собаки... У меня все нормально!

– Вот ты и брось, нормальный ты наш! – злость Леше удалось погасить, но прозвучало все равно резко.

Левон фыркнул:

– А мне-то зачем бросать? Я доктор, я людей лечу. Своим делом занимаюсь, дорогой.

– Спокойной ночи тебе! – тихо сказал Леша, тепло улыбнулся и закрыл дверь.

Постоял лицом к закрытой двери, смотря прямо перед собой, глубоко вдохнул и длинно выдохнул:

– Иду, Алексей Николаевич, иду!

10

Все познается в сравнении.

«Банально, но факт», – подумал Леша, плетясь по ступенькам трапа за толстой молодой мамой, чья двухлетняя дочка захотела самостоятельно (и, вероятно, впервые в жизни) спуститься на землю из «самайёта».

И теперь вся пассажирская толпа покорно и терпеливо шла приставным шагом за перегородившей трап парочкой – ковыляющим златокудрым младенцем и его необъятной мамашей с выкрашенным в морковный цвет ежиком волос, в когда-то розовых лосинах, обтянувших гигантский зад до барабанной гулкости, голубой блузе парашютного размера и артериально-алого цвета кроксах.

Кроксы так же невозможно отделить от израильтян, как парнокопытность от коровы. В любой стране мира, на любом континенте, включая Антарктиду, увидев обутое в резиновое уродство ноги, можете смело обращаться к их обладателю на иврите – не ошибетесь.

Толпа перекликалась между собой, посмеивалась и совершенно искренне не обращала внимания на причину затора – в Израиле к детям и их маленьким прихотям относятся свято.

«Все познается в сравнении» – мысль, мелькнувшая у Леша, только он ступил на трап, относилась к тель-авивскому лету, которое по сравнению с эйлатским мартемом сейчас тянуло лишь на его рахитичного младшего братца.

Весь полет (правда, назвать этот получасовой переход из взлета в посадку полетом – некоторое, мягко говоря, преувеличение, но пусть уж оно будет) – в масштабах крошечного Израиля. И это, господа, единственная внутренняя авиалиния страны... Будем снисходительны!

На протяжении всего полета Леша возвращался к их беседе с Поплаковым, прокручивал ее в голове, анализировал.

11

– Присядьте, доктор! – улыбнулся Поплаков, призывно похлопав по подлокотнику указал на кресло рядом с кроватью (так хозяин хлопает по ноге, подзывая пса). – Пусть эта короткая беседа послужит лишь началом, запустит мыслительный процесс в вашей голове.

И он неуклюже и медленно описал в воздухе обеими руками нечто похожее на тяжелое вращение мельничного колеса, наглядно изобразив, в его понимании, течение мыслительного процесса.

– Алексей, это безобразие долго продолжаться не может, – внушительно заметил чиновник.

– Простите, господин Поплаков, что вы имеете в виду? – внутренне напрягся Леша.

– Я имею в виду медицинский туризм. Медицинский бизнес в Израиле.

– Не уверен, что понимаю вас правильно. – Леша кашлянул и расправил плечи. – Вы считаете нужным его прекратить? Считаете лечение за рубежом не патриотичным? Считаете...

– Господи, доктор Романов! – поморщился Поплаков и зевнул. – Не считаете же вы меня дураком, правда?

– Я...

Алексей, не перебивайте, пожалуйста! Нет, конечно! Никто не собирается эту тему прекращать, напротив! – Поплаков улыбнулся. – У меня, знаете ли, господин доктор, мозги работают вполне замечательно, несмотря на... – он неопределенным жестом обвел комнату, – ... некоторые обстоятельства.

– Не сомневаюсь, Алексей Николаевич! – искренне ответил Романов.

– Вот и хорошо. Кто хозяин всего... этого «туризма»? Кто этим бизнесом-то управляет, знаете?

Леша пожал плечами:

– Хозяин? На мой взгляд, нет никакого хозяина. Дикий Запад. Кто хочет, тот им и занимается. В меру своих способностей. Любой, кто мало-мальски говорит по-русски, тот считает...

Поплаков прервал его небрежным взмахом руки:

– Оставьте, Алексей! Детали не важны. Вы в точку попали. Да только случайно. А на случай в делах полагаться нельзя. Опирайтесь надо на знание, информацию, а она у меня есть. Я давно и аккуратно навожу справки, беседую с компетентными товарищами. Странно, но факт – бизнес этот бесхозный. И долго таким не останется. У вас есть цифры в руках, Алексей? К примеру, сколько людей в год приезжают на лечение в Израиль?

Лешка прищурился:

– Полагаю, тысяч двадцать?

– Около двадцати пяти-тридцати. Каждый год. И цифры растут. Вы представляете, о каких суммах идет речь?

Леша хмыкнул:

– Миллиард?

– И не один. В евро. Прямо у нас под ногами. Наклониться и подобрать.

Леша рассмеялся:

– Господин Поплаков! Вы представляете, что будет с человеком, который замахнется на такие деньги?

Чиновник вздохнул:

– Это зависит от человека, доктор. С человеком вашего уровня, например, ничего не будет. Потому что у такого человека просто ничего не получится.

Он мягко похлопал Лешу по руке.

– Не обижайтесь, Алексей. Я не конкретно про вас говорю. Ваша фирма растет. В последние годы растет очень бурно. Вы ведете дело правильно, без лишнего шума и ненужной огласки. Вы хороший врач и хороший бизнесмен. Но в делах такого масштаба этого недостаточно. Нельзя прибрать к рукам миллиард, особенно российского происхождения, без определенных и значительных связей. Но и этого недостаточно. Надо иметь соответствующее...

Поплаков замялся на секунду, подыскивая определение:

– ...соответствующее молчаливое согласие определенного круга. Разрешение. Без которого, конечно, ничего не будет. – Он посмотрел Леше прямо в глаза и улыбнулся. – Как не будет и человека, решившего взяться за дело без него.

«Все, что будет говорить тебе Поплаков, – очень серьезно», – сказал ему в машине Лазари.

– Это мой уровень, господин доктор.

Пауза в два, ставших гулками, удара Лешкиного сердца.

– И такое согласие у меня есть

Он остро взглянул Леше в глаза и остался доволен расширенными золотым маревом, словно белладонной, зрачками:

– Мне нужен партнер с израильской стороны. И таким партнером я вижу вас, вашу фирму, Алексей. Такое предложение бывает раз в жизни. И оно изменит вашу жизнь раз и навсегда...

«Ты должен принять его предложение, – сказал Лазари. – Это будет космический взлет».

– Вы согласны, господин доктор, стать моим партнером?

«Ты должен принять его предложение. У тебя все сложится наилучшим образом. Космический взлет. Космический».

– Согласен, господин Поплаков. – Адреналин иссушил внезапно горло, голос треснул. Леша кашлянул и повторил твердо: – Согласен.

Крепкое рукопожатие.

– Я рад, Алексей!

Поплаков сладко зевнул и встал.

– Извини, таблетка действует. Пойду-ка я спать. Детали обсудим позже. Схема готова. Мы ее с тобой на днях обсосем, естественно, но она проста, как чайник, и посему надежна.

Леша на «ты» переходить не стал.

– Спокойной ночи, Алексей Николаевич!

– Спокойной ночи, партнер! – отозвался Поплаков из спальни, шумно ворочаясь в кровати.

12

Парковочный аппарат жадно проглотил талон и выставил счет. Леша в очередной раз изумился наглости владельцев паркинга и расплатился карточкой компании.

Соскучился, соскучился по машине! С радостью скользнул на водительское место. Вдохнул с наслаждением крепкий кожаный дух нового салона – нет лучшего парфюма для мужского носа!

Каждый раз, садясь за руль своей шестой бэхи, он испытывал такой же кайф, как в первый, – настолько удобно облегал его машина, превращаясь в продолжение его тела. Может, «астон мартин» или «мазерати» еще естественнее вживляют плоть в металл – Леша об этом судить не мог. Пока. (Хотя... если он будет развиваться и дальше такими темпами – тьфу-тьфу! – кто знает!) Совсем скоро – с Божьей помощью! – такая возможность представится! Вон как все закрутилось, спасибо тебе, Сережка! О вилле надо подумать, начать листать Интернет – Лазурный берег или где там еще принято у нас, миллиардеров... Не дели шкуру неубитого медведя? Не тот случай, Серый ясно сказал – все срастется!

Улыбнулся, врубил музыку. Блюз «Like an angel» – то, что доктор прописал! Он хлестанул по газам и погнал в офис.

13

Рабочий день в компании «Исцеление» начинался, как и в большинстве таких фирм, в девять утра, а заканчивался для каждого только с окончанием работы. Иногда и за полночь.

Все сотрудники, а число их – хвала Господу! – медленно, но неуклонно росло, начинали его по-разному, как и весь трудовой люд по всему свету.

Кто в хорошем настроении

как результат классного секса с мужем, другом, любовником, случайным партнером (нужное подчеркнуть, и необязательно ограничивать себя одной чертой);

из-за улыбок детей или их хороших оценок;

из-за того, что еще чуть – и отпуск...

Кто в плохом:

жуя жвачку и невнятно отвечая на приветствия, стараясь не выпустить наружу тяжкий похмельный компромат;

как результат неудачного секса с... (смотри пункт первый);

из-за плохого самочувствия, болезней детей, их плохих оценок, недугов родителей, близких, друзей и просто знакомых;

из-за неудач близких, друзей и просто знакомых;

или, наоборот, из-за успехов близких, друзей и просто знакомых;

из-за своего мерзкого отражения в зеркале;

из-за суки-соседки и ее классного отражения в зеркале...

Кажется или же действительно причины плохого настроения побеждают? Их большинство?

А как каждый для себя решит, так оно и будет...

Новый помпезный офис компании медицинского туризма «Исцеление» занимал пол-этажа большого нового здания «Парацельс Медицинские Центры» – ПМЦ.

Такое расположение создавало у пациентов полную, но ничем не обоснованную уверенность в тесной связи «Исцеления» с крупнейшей и самой передовой частной клиникой Израиля, превращая компанию в неотъемлемую часть ПМЦ. Фирма уверенность эту не подтверждала, но и не разрушала – руководство и сотрудники скромно опускали глаза и обходили тему стороной. Кстати сказать – весьма достойное поведение в современных условиях рынка медицинских услуг, когда кто только не пытается внаглую прислониться к могучим стенам клиники «Парацельс Медицинские Центры»!

Страницы Интернета пестрят объявлениями: «Единственный представитель ПМЦ», «Официальный...», «Полномочный...», «Реальный...» В реальности не имеет и не может иметь клиника ПМЦ партнерских отношений ни с одним из посредников или так называемых организаторов лечения. Так, раз и навсегда, объяснил Романову в частной беседе Бени Варон – главный менеджер ПМЦ.

– Бени, – задумчиво просиял Леша (впрочем, с таким же успехом можно было расточать улыбки тяжелому танку), – посмотри, как может все чудесно у нас получиться – все русские туристы ПМЦ получают не неуклюжее сопровождение от нашей, во всех других отношениях замечательной клиники, нет! Но! – Он потряс вздытым к небу перстом: – Профессиональное, вежливое и предупредительное обслуживание в лице моих красавиц, и – заметь! – за символическую для нашей клиники цену!

Тяжелый танк равнодушно сверкнул смотровыми щелями очков.

– Выигрывают все! – воодушевленно продолжал Романов. – Больница...

– Доктор... – снисходительно прервал его Бени. – Как только твои красавицы начнут сопровождать больных ПМЦ, я предвижу следующее развитие событий. Алеф – больные естественным образом перетекут под крылышко «Исцеления» и помашут «Парацельсу» ручкой. И бет – все остальные посредники...

– Бени! – обиженно вскинулся Леша. – Мы не посредники, а организаторы лечения.

Бени невозмутимо продолжил:

– Все остальные посредники съедят меня без соли за такой протекционизм.

Он внушительно покачал волосатой сарделькой указательного пальца:

– А я еще никогда, заметь, доктор, никому, ни одному из агентов, посредников и организаторов лечения не оказывал предпочтения! Это – золотой принцип моей клиники!

И он не кривил душой – больница уважала всех ее кормивших. Но не всех в равной степени. Некоторые равны были более, чем другие, – система взаимоотношений в полной мере подпадала под гениальное определение Джорджа Оруэлла.

А во время той беседы Леша Романов – конечно, уважаемый специалист высокого класса, ведущий анестезиолог клиники, но как бизнесмен – салага, – в глазах менеджмента больницы был равен почти больше всех...

Но сейчас... в кино на экране мелькнули бы титры «В наши дни».

Сейчас распахиваются широкие двери матового итальянского стекла с витыми золотыми ручками в виде текущих часов Сальвадора Дали – намек на быстротечность жизни: добро пожаловать в компанию «Исцеление», лидер в сфере медицинского туризма! Добро пожаловать в мир высокой медицины! Добро пожаловать в мир надежд!

14

В новый офис Леша вложил не скупясь.

Часами спорил с Сережкой о дизайне и отверг все его предложения – кроме одного: нанять профессионального дизайнера. Затем обсуждал с... пожалуй, больше ни с кем: попытка посоветоваться с Инессой на второй минуте разговора вылилась в армейское единообразие ответов: «Да, босс», «Нет, босс», «А как вы думаете, босс?», и на третьей минуте беседа тихо скончалась надгробной фразой: «Спасибо, Инна! Вы мне очень помогли, идите, работайте!»

Профессиональный дизайнер, лихая девица лет тридцати, летящая в облаке из аромата Chanel Noir и звона бесчисленных золотых браслетов, колец, цепей и побрякушек, тоже не была расположена к обсуждениям.

Два табурета прозрачного пластика посреди пустой, довольно большой прихожей. Они сидели на них рядышком и смотрели вдоль длинного коридора, на который, как на позвоночный столб, нанизывались помещения офиса.

Весь офисный мусор, оставшийся от предыдущих хозяев, вывезен. Уже выполнили свою работу мойщики окон, уборщики. Помещение дышало свежестью, было залито ярким белым цветом и чем-то неуловимо напоминало новую, не сданную в эксплуатацию прозекторскую.

Она сидела, закинув ногу на ногу (черное маленькое платье, красивые щиколотки, туфли как будто с сайтов женского доминирования), терпеливо выслушивала Лешины сентенции и концепции, держа на отлете пахитоску в длинном черном с золотом мундштуке.

Он долго рассуждал о японском минимализме, открытом пространстве, чистоте линий, цвета и прямых углах. Остановился перевести дыхание.

Чем доминатрикс¹⁵, как он мысленно окрестил дизайнершу, воспользовалась моментально:

– Доктор Романов...

– Алексей, прошу вас, госпожа Шторц.

– Сандра, – кивнула она. – Алексей, на кого в первую очередь рассчитан офис? Для кого и на кого работает ваша фирма?

– Фирма занимается лечением состоятельных пациентов постсоветского пространства, – бросил на нее Леша взгляд из серии «и ежу понятно». – Россия, Украина, Казахстан... нет, не только! – Сионизм вдруг постучал в его сердце: – Из Франции, Англии, например, много приезжают на ЭКО¹⁶! Уровень нашей...

Звякнули сигналом «стоп» браслеты на взметнувшейся кисти с длинными черно-красными ногтями:

– Я поняла, Алексей! Фирма работает на русских. – Вновь звякнули браслеты, голубым льдом сверкнул бриллиант кольца, стоило ей качнуть тонким пальцем. – Я не имею в виду этническую группу. Я говорю о ментальности, образе жизни, правильно?

Леша кивнул.

– Ну тогда, Алексей, какие открытые пространства и чистые линии! – Взглянула снисходительно: – Версаче, доктор, шпарьте им Версаче!

Это неожиданное, вульгарное, но оказавшееся совершенно уместным «шпарьте» заставило Лешу вздрогнуть.

– Какое, к черту, Версаче, Сандра! Вы представляете, сколько...

¹⁵ Доминатрикс – повелительница, владычица.

¹⁶ ЭКО – экстракорпоральное оплодотворение.

– Господь с вами, Алексей! – улыбнулась Сандра, и браслеты прозвенели еле слышно и нежно, словно висащие за дверью гирлянды в касании ветерка. – Кто говорит о настоящем бренде! Я имею в виду стиль, только стиль!

Она встала, простерла руки в сторону, выигрышно взметнув грудь, и до того заслужившую у Леша пять баллов.

– В приемной, – правая рука очертила воображаемый полукруг, – массивная полукруглая стойка черного лакированного дерева или дорогого пластика, с геометрическим золотым орнаментом под античную Грецию. На нее поставим статую Фемиды, богини правосудия, что будет подспудно вызывать у больных ассоциацию с объективным, не завязанным на их деньгах подходом к лечению...

– Думаете, если на одну чашу весов положить пачку баксов – не перевесит? – вставил Леша.

Замечание услышано не было либо было полностью проигнорировано.

– Здесь, – левая рука твердо указала на место в противоположном от стойки углу, – кресла для посетителей: высокие, загнутые вверху спинки, по бокам золотые шишечки, а-ля Венецианская республика, деревянная золотая рама, обивка из голубой тяжелой ковровой ткани с золотым стилизованным под Средневековье изображением солнца, сиденья – черный ковер с золотыми звездами. Три. Три таких кресла – в самый раз...

– Сандра! – взмолился обалдевший Романов. – Меня сейчас вырвет от такой помпезной безвкусицы! Это же... – он возмущенно замахал руками, не находя слов. – Это же дворец по понятиям какого-нибудь Коляна Косого!

– Ошибаетесь! – торжествуя уткнулся ему в грудь черный мундштук. – Туше, доктор! Никакого Коляна Косого и иже с ним! Это модный сейчас в России стиль: эпатаж, кричащий безвкусицей! Стиль богемы, хай класс! – Она помолчала и добавила: – Хотя лично я считаю, что он на самом деле упал на их душу. Стиль царей, Лувра, Ниццы.

– Поймите, Сандра! – Леша прижал обе руки к груди. – Я, я его терпеть не могу! Это же мой офис, и я буду его кроить, как...

– А вот и нет! – подняла брови и сложила губки бантиком Сандра. – Не ваш это офис, вовсе не ваш! Это офис ваших клиентов! – ответила она на молчаливый вопрос в его удивленно раскрытых глазах. – И его назначение – нравиться им, а не вам. Его назначение – сделать передачу денег в вашу фирму быстрой, легкой и приятной для клиента. Офис должен расслабить вашего пациента, создать у него уверенность, что он, больной, попал – слава богу! – именно в то единственное солидное место, где действительно займутся его исцелением. Это ИХ офис! Вот так, господин Романов, и только так!

– Не моя, значит, контора, – процедил сквозь зубы задумчиво Леша. – М-да... Нравится – не нравится, спи, моя красавица.

– В таком вот аспекте, – кивнула Сандра и подмигнула. – Да будет вам, Алексей! Привыкнете, еще и понравится вам в итоге. Свыкнется – слюбится, как говорится.

Потянулась, прогнув спинку, улыбнулась лукаво:

– Конечно, ваши пожелания будут учитываться и по возможности приниматься во внимание... если они не выходят за рамки концепции. Вот дом свой можете обустраивать, как вашей душе угодно.

– Спасибо, Сандра, – улыбнулся в ответ Леша. – Кстати, я недавно закончил ремонт своей квартиры. Пентхаус на тель-авивской набережной...

Быстрый взгляд – впечатлил или нет? Любой израильтянин знает, на сколько миллионов тянет такая квартира.

Никакой реакции. Нейтральная улыбка: «Ну и?..»

– Квартира у меня закончена, но я бы с радостью показал ее вам. Посоветоваться.

Как ни старался, а улыбка все равно вышла двусмысленной.

– Возможно, – взгляд Сандры был нейтрален, как у игрока в покер. – Но только после того, как закроем данный заказ, вся работа будет окончена, вами принята и оплачена.

Окурок выпал из мундштука прямо на пол и был безжалостно расплюсчен лакированной остроносой боевой женской туфелькой.

15

Сережка одобрил дизайн полностью.

– Ничего иного я и не ожидал, – буркнул Леша, пожав плечами. – С твоим-то вкусом... Какой смокинг на тебя ни надень – все одно деревню из тебя не выбьешь! Тебя из деревни – еще туда-сюда, но деревню из тебя – никогда! Короче, аристократ ты наш, я еще раз тебе говорю – она все подсказала правильно, и если слушаешь – не пожалеешь! Я это ясно вижу.

Контракт был подписан на следующий же день.

Сандра стояла чертовски дорого, но дело свое знала крепко и рабочих и подрядчиков держала железной рукой.

Аврал отделочных работ пришелся на День Катастрофы. В этот день в десять часов утра по всей стране звучат сирены. Их много, но многоголосый пронзительный вой сливается в один плач. Минута поминовения шести миллионов. В эту минуту страна замирает. Останавливаются станки, терпеливо мигают застывшие курсоры дисплеев. Машины тормозят на обочинах, выпуская седоков склонить головы, почтить память.

Все рабочие, Сандра, Леша, заскочивший в офис проверить ход работ, – все замерли на полуслове, кто уставившись в пол, кто – прямо перед собой.

Все, кроме одного. Высокий мускулистый юнец. Темная кожа сплошь в подтеках известки.

Он продолжал спокойно мешать раствор – невозмутимо дымила сигарета в углу рта, заунывный арабский напев. Другой рабочий, араб постарше, мягко тронул его за плечо. Парень безгловым движением сбросил руку:

– Не моя трагедия, не моего народа. Жаль, что не всех...

Сандра не дала закончить фразу. В одно скользкое стремительное движение – через всю комнату – оказалась рядом с ним, два пальца резко вздернули подбородок. Взгляды столкнулись.

Парень вздрогнул. Сигарета брызнула искрами об пол и была растерта ногой в заношенной кроссовке. Парень выпрямился – рот в ниточку – и не проронил больше ни слова.

У Леша зазвенело в голове от желания узнать, что же увидел молодой палестинец в глазах Сандры, но оказаться для этого на его месте – увольте! Зато одно он понял совершенно ясно – его контроль не нужен, да и не эффективен в сравнении с Сандрой. Вдохнул с облегчением и в следующий раз в офисе появился получить ключи и подписать акт о приемке.

16

В честь открытия офиса Романов устроил небольшой прием, человек так на сто. Друзья, нужные люди, никого из сослуживцев по ПМЦ, никого из сотрудников «Исцеления», кроме Инессы. Живая музыка: блюзы и рок его молодости. Изысканный кейтеринг, дорогие напитки.

Сам он пришел за час до начала приема. Официанты уже заканчивали сервировку. Тонкий звон бокалов о металл столовых приборов. Тихий перебор настраиваемых гитарных струн под шелест беседы и смех персонала.

Три венецианских кресла были сдвинуты к стене, освободив место для столов. Леша подошел к ним, хмыкнул и сел в среднее, как на трон. Да, трон и есть. Справа, одесную, сидел бы сейчас Лазари, а ошую – конечно... Он вздохнул и заставил себя мысленно произнести имя, которое вычеркнул из памяти...

«Добро пожаловать!» – на белом фоне монументальными кумачовыми буквами было написано, словно высечено, на стене Зала ожидания для новоявленных граждан государства Израиль. И от кумачовости этой повеяло на Лешу знакомым духом советского Первояма и «Взвейтесь кострами». От ужаса передернуло – неужели за что боролись, на то и напоролись?!

Сходство дополняли канцелярские столы, расставленные по залу, и сидящие парами за ними сотрудники эмиграционной службы с выражением легкой брезгливости на лицах. Не хватало только примкнувшего к ним Шепилова.

В целом было тихо – пугливые советские граждане привычно замерли перед лицом номенклатуры. Там и сям возникали в тишине бунтарские вспышки детского плача, подавляемые в зародыше напряженными родителями.

Романов чувствовал себя неуверенно. Вокруг него все переговаривались со значительными лицами, полунамеками, понимающе шурясь и кивая головой в ответ на реплики собеседника. Сыпали словами, значения которых он не понимал, хотя и осознавал со страхом, что должен был хоть чуть-чуть подготовиться к такому перевороту в своей жизни, а не ехать в новую страну наивным дурачком: «Здрасьте! Я к вам пришел навеки поселиться...»

– А я говорю – только в Тель-Авив, и никуда больше! Иерусалим молится, Хайфа работает, а Тель-Авив – живет!

– Не, товарищи, я-то знаю, как себя с ними вести! У меня тут двоюродный брат уже пять лет...

– Да меня на работу из аэропорта выхватят...

– Надо из них сразу выбивать мерказ-клиту¹⁷...

– Они смотрят – мезузу¹⁸ целуешь или нет. Я, конечно, подошел так, поцеловал небрежно. Вижу, они так переглянулись, заулыбались мне, конечно...

Если замечали, или им казалось, что замечали, постороннее чуткое ухо, резко переходили на полусшепот, отходили в сторонку.

Единичные товарищи словно отгородились невидимым барьером от остальных. К ним подбегали служащие, шептали неслышно под завистливые взгляды всех прочих, равных между собой.

И тут Леша с ужасом осознал звенящую пустоту в голове во всем, что касалось государства Израиль, его устройства, языка, культуры... Да хрен с ней, с культурой этой! Мирские, насущные вопросы, например нужны ли здесь врачи, и если да, то какие?

¹⁷ Мерказ клита – общежитие для новых репатриантов.

¹⁸ Мезуза – кусочек пергамента с отрывками из Торы, прикрепляемый к косяку входной двери.

Ноль, полный ноль! Нет, какая-то обрывочная информация текла тоненькой струйкой, а порой просто капала ржавыми каплями на всех этапах эмигрантского тракта. Но только теперь Леша с тоской понял, какие это ничтожные крохи! За глухими стенами ждала его полная и, похоже, не очень дружелюбная неизвестность...

В животе заныло, Лешка нащупал в кармане куртки пачку «Мальборо» – купил, не смог удержаться, на пересадке в Будапеште. Поплелся в курилку в углу зала. (Благословенные времена! Кури, где хочешь!)

– Извините, можно попросить сигарету?

Лешка оторвал невидящий взгляд от цементной стены, усеянной черными пятнами – надгробиями загашенных бычков. Лысая голова, карие, с грустной поволокой глаза, черные густые усы. Помесь Розенбаума с золотистым ретривером.

Лешка протянул пачку.

– Последнюю даже вор... – замялся Розенбаум-ретривер, шевеля неловко нависшими над пачкой пальцами.

– Да что вы! – поморщился Романов. – Берите, выйдем же отсюда в конце концов! Куплю.

– Спасибо! – Два пальца нырнули в пачку, аккуратно вытянули сигарету.

– Вы случайно не гинеколог? – поинтересовался Леша, следя за процессом.

– Да, – Розентривер вскинул на него удивленные глаза. – А как догадались?

– Пальцы. – Леша повторил жест, сложив пальцы в клешню. У него это вышло совсем не так изящно. – Очень характерно.

– Просто Шерлок Холмс! – Быстрый оценивающий заново взгляд, рука протянута для пожатия. – Александр Духин. Саша.

– Очень приятно! – Руки сошлись. – Алексей Романов. Просто Леша.

– Коллега, подозреваю? – прищурился Духин.

– Да, тоже доктор. Кардиолог.

– Только правильное сказать – бывшие коллеги, – уточнил Духин. – Вы ведь в курсе...

– Может, перейдем на «ты»? – предложил Леша. – Люди мы еще молодые.

Духин согласно кивнул:

– Ты ведь в курсе, что нам надо подтверждать диплом? Сдавать экзамены?

– Слышал что-то такое, – пренебрежительно махнул рукой Леша. – Ты, прости, откуда?

– Питер. Первый Мед. А ты?

– Москва. Тоже Первый.

Они тепло, с пониманием кивнули друг другу. Атмосфера Незримого Братства Двух Столиц. Единственные стоящие города СССР, во веки веков, аминь.

Невидимые нити симпатии, как черточки в формулах учебников по химии, пока еще слабые, не валентные, протянулись от одного к другому.

– С семьей? – поинтересовался Духин.

– Нет, – отрицательно качнул головой Романов. – Один, как перст. С чемоданом и коробкой книг. А ты?

– Я с женой и ребенком. Вон там, видишь, – и показал в отдаленный угол. На грани тени и света одинокий солнечный луч, косо упавший из узкой щели окна под потолком, выхватил неясный женский силуэт, склонившийся над детской коляской.

– Дочка. Света. А жена – Аня. Пойдем, познакомлю.

Леша кивнул. В этот момент динамик захрипел и громко позвал:

– Алексей Романов. Романов. Стол номер три. Лешка вздрогнул, торопливо бросил сигарету, чиркнув ею по поминальной стене.

– Всё. Пошел!

Духин прищурился:

– Хоть знаешь куда, зачем и почему?

- Ни малейшего представления! – быстро дернул головой Леша. – А что?
- Он еще спрашивает! – закатил глаза Саша. – Короче, никуда, кроме Беэр-Шевы, не соглашайся. Понял? Стой насмерть!
- Романов! – с раздражением позвал динамик.
- А что? – оборачиваясь на ходу, спросил Романов.
- Это единственное место в стране, где есть нормальные курсы для врачей, понял? – бросил вслед Духин. – Ни на что больше не соглашайся! Потом «спасибо» скажешь! Стой не на жизнь, а на смерть!

17

Леша вынырнул из воспоминаний. Криво улыбнулся: «Стой не на жизнь, а на смерть!» Вот и выстоял. Выстоял, как и приехал – один, как перст. Правда, вместо чемодана и коробочки книг – миллионный пентхаус и роскошная библика под задницей.

Входная дверь распахнулась, влетела Инесса. Волосы красиво уложены в каре, черное длинное платье в блестках, бархатные красные туфельки, красная сумка на золотой цепочке.

«М-да, – рассеянно подумал Леша, – откуда у нее восточный вкус? Все блестящее и золотое. И ведь не скажешь – обиду только причинишь и отношения разрушишь».

Вздыхнул и сверкнул улыбкой:

– Ну, хозяйка, правьте балом!

Инесса вспыхнула от удовольствия и понеслась между столами, поправляя сервировку и отдавая четкие указания официантам. Персонал, почувствовав хозяйскую руку, подобрался. Прекратился громкий смех. Ансамбль переглянулся. Ударник отдал команду: «Раз, два, три!», слаженно зазвучал первый ритмичный блюз. Открылась дверь, впуская первых гостей. Первые восторженные, с оттенком зависти, дамские возгласы. Первые уважительные, с тем же оттенком, кивки мужчин.

– Добро пожаловать, дамы и господа, в компанию «Исцеление»! Ура генеральному директору, доктору Романову!

Вечер удался, чему немало способствовали в равной степени вкусная еда и прекрасный ассортимент напитков. Ровный гомон, смех, чей-то пьяный бас, тщетно пытающийся перекрыть музыку, звон фужеров, тосты за здоровье, пожелания дальнейших успехов и долгих лет – банкет входил в колею. Романов неспешно прошелся по офису: кому руку пожал, с кем обнялся, от кого стойко вытерпел пьяный слюнявый поцелуй, где пришелся к месту пикантный, а где и менее тонкий анекдот. Уф-ф! Всё! Банкет прошел острую фазу начала, качнулся на распутье. Леша кожей почувствовал момент. Подозвал тамаду – указал на буйного гостя; подскочил к музыкантам – полилась лирика медленного танца; мигнул Инессе – та, скромно улыбаясь, под аплодисменты вывела на танцплощадку важную персону.

Любое торжество в своем развитии проходит через стандартное начало к перекрестку. Это самый сложный момент. Как дальше сложится событие, зависит от множества факторов: состава и интеллигентности гостей; возраста и числа провокативно одетых дам и свободных мужчин; энергии, агрессивной или доброй, разлитой в вечере, в свою очередь, тесно связанной с фэн-шуй зала.

С перекрестка торжество может свернуть на одну из трех дорог: «европейская тоска», «русский разгуляй» с мордобоем и «классно посидели». Вот в этот критический момент его надо подтолкнуть в нужном направлении.

Вечер качнулся, направляемый чуткой Лешинной рукой, и... свернул на колею «классно посидели»! Уф-ф! Теперь можно и себе чутка налить, расслабиться.

– Доктор Романов, какой-нибудь смешной случай из вашей практики?

Журналистка популярной ежедневной газеты «Взгляд». Коренастая упитанная бульдожка лет сорока пяти, грубый смех, желтоватые прокуренные клыки; отсутствие украшений призвано подчеркнуть мужественность и оттенить женственность второй половинки лесбийской пары – тонкой, голубоглазой блондинки с выражением постоянного недовольства на лице.

Леша усмехнулся.

– Пожалуй... В начале «эйтмохута», помню, только-только начал ставить «эпидуралки» роженицам. Боялся, конечно! Две опасности. Первая – не пройти иглой слишком глубоко, проколоть твердую спинномозговую оболочку, тогда из иглы брызнет «ликвор» – жидкость, окружающая спинной мозг. Может привести к тяжелым головным болям. Но это не так страшно –

боли могут пройти сами, если нет – есть эффективное лечение. Вторая опасность – задеть нервные корешки. Это хуже. Последствия могут быть длительные. Идешь медленно длинной иглой, и в ожидании парестезий...

– Простите? – не поняла журналистка.

– Парестезии. Ощущения, возникающие в нерве при касании инородного тела. Чаще всего будто электрический ток пробежал.

– Понятно, – кивнула блондинка.

– Стою сзади сидящей, напрягшейся в схватках молодой женщины, аккуратно веду иглу и спрашиваю у роженицы, точнее, думаю, что спрашиваю:

«Ат маргиша зерем бэ реглаим?»¹⁹ А иврит еще слабенький. И вместо этой фразы выходит у меня: «Ат маргиша зера бэ реглаим?»²⁰ Сам-то не понимаю, что спросил. Вижу только медленный поворот головы и два огромных, очумелых глаза, в ужасе уставившихся на меня.

Блондинка прыснула и уткнулась с хохотом в грудь подруги. Сейчас та решает, поддел ли я их сексуальную ориентацию, подбиваю клинья к партнерше или невинно рассказал смешную историю. Придет к последнему заключению.

Лицо журналистки сменило быстрым калейдоскопом несколько выражений, разрешившихся веселым проблеском глаз и коротким смешком.

– Хорошо отдохнуть, девушки! – улыбнулся им Леша и пошел дальше с бокалом рома «Пират-ХО. Резерв». Лучший напиток для таких вечеров.

– Алексей! – Инесса спешила к очередному гостю с приветственной улыбкой, но словно споткнулась на полпути, замерла рядом с Романовым. – Госпожа дизайнерша пожаловала без приглашения?

Приветственная улыбка застыла на ее губах, обернулась неприязнью. Повеяло холодом. Ром горячил Леше кровь, музыка волновала душу, и он беспечно ответил, выискивая взглядом Сандру:

– Почему же без приглашения? Я не нашел ее в вашем списке, представленном на подпись. Сам и вставил. Имеет право полюбоваться на свое произведение.

– Угу, – туго сжав губы, кивнула Инесса. – А то не налюбовалась за время работы. Не успела. Занятая, стало быть, девушка.

Сандра поймала его взгляд, браслеты скользнули золотым переливом по поднятой приветственно руке. Темно-синее платье до пола, белая кожа бедра в высоком разрезе, черные шпильки босоножек на красной колодке. Все вместе создавало впечатление яркой фертильности без единого намека на вульгарность.

– Лабутены, небось, на *наши* гонорар куплены, – презрительно фыркнула Инесса.

Леша пропустил и слова, особенно подчеркнутое «наш», и тон, каким они были сказаны, мимо ушей. Ничего не подделаешь – мужские уши! Женские мигом бы уловили, распознали и сохранили бы в памяти – и слова, и тон. В первую очередь тон.

Он лишь кивнул рассеянно Инессе и протиснулся через толпу гостей к Сандре.

– Рад, что нашли время!

– Интересно же! – улыбнулась она. – Интересно, как круг ваших знакомых отреагирует на мою работу.

– Ну, я общаюсь с самыми разными людьми...

Веселые лучики сверкнули в ее глазах:

– А мне они все показались одинаковыми. На первый взгляд во всяком случае...

– Леша, милый, познакомишь с красавицей?

¹⁹ «Ты чувствуешь „ток“ в ногах?» (*ивр.*)

²⁰ «Ты ощущаешь сперму, стекающую по ногам?» (*ивр.*)

Эрик, худощавый брюнет со скандинавской бородкой физика-атомщика, трубкой капитана дальнего плавания в углу рта и театральными манерами, подчеркнутыми шелковым шейным платком. Застарелый холостяк, любитель тенниса и женщин и в свободное от этих занятий время заместитель министра туризма.

– Сандра. – Она первая протянула руку.

– Сандра – дизайнер, вдохновитель и строитель... – хотел пояснить Романов, но Эрик его перебил:

– Все этой красоты. Слов нет, как замечательно, с каким вкусом! А я...

– Я знаю, кто вы, Эрик, – кивнула Сандра, – я смотрю телевизор. Иногда.

– Меня практически не показывают. – Эрик был явно польщен, только не зарделся, что красна девица. – Показывают министра...

– В то время как вы денно и ночью трудитесь на благо страны. – Сандра была абсолютно серьезна, ни тени иронии.

Эрик смешался:

– Э-э, а не выпить ли нам в честь, так сказать, знакомства. – Кашлянул. – Можно обсудить возможные заказы. Для такого мастера, как вы... – Он широким жестом обвел офис, словно он был его собственным, а сейчас, с его широкой руки, переходил в безвозмездный дар Леше. – Всегда найдется...

– Я пришла развлечься, а не работать. – Сандра качнула головой. – Деловые предложения не сегодня. А от предложения выпить не откажусь.

Эрик просиял:

– Что будете пить?

– Односолодовый островной виски. Двойной.

– Слушаюсь, – склонил Эрик голову в притворной манере официанта. – Сейчас исполню...

– Идемте вместе, господин стюард! – рассмеялась Сандра, первой направляясь к стойке ресепшен, временно превращенной во вполне сносную барную.

– А я-то думал, вы пришли изучать повадки моего круга общения, госпожа дизайнер! – кисло бросил в пространство Леша. Развернулся круто на каблуках, вернулся к своим обязанностям радушного хозяина.

Не раз еще на протяжении вечера бросал взгляды в сторону Сандры, болтающей весело и легко со множеством гостей, почти исключительно мужчин, не подозревая, что все они до единого были перехвачены Инессой.

– Алексей!

Леша обернулся. Музыка гремела, все изрядно выпили. Гул голосов, гомон разгуляя. Веселье достигло пика.

Сандра легко коснулась его плеча. Одна. Без Эрика.

– Я ухожу. Пора.

– Жаль, – с сухой вежливостью ответил Леша.

– Позвоните мне завтра в офис, в одиннадцать, ладно? Поедем посмотреть вашу квартиру. – И снайперски сощурилась: – Поддается ли ее интерьер спасению.

Леша от неожиданности быстро мотнул головой, словно ребенок в страхе, что отберут обещанное.

– Чудесно! Не провожайте, оставайтесь с гостями.

И ушла. Точнее, исчезла, растворилась разом в шумной толкучке танцующей молодежи, грациозно скользнула, никого не задев.

Леша подмигнул неизвестно кому и лихо влился в танец.

– Вы, мужчины, существа примитивные. – Инесса опустошила рюмку водки и поставила ее перед барменом. Кивнула – наливай! Какая она по счету? Все равно!

– Примитивные, да! – Бармен согласно кивнул.

– А современные мужчины еще и пош-шловатые... Еще одну!

Бармен кивнул и налил.

– Хотя... Наверное, с момента сотворения и были пошловатыми. Ведетесь на всю эту броскую дрянь – корсеты там всякие, пояса с ажурными чулоч-чками! – Она неопределенно повела руками в области таза: – Вся эта похабщина вас притягивает, не так разве?

Бармен скорбно вздохнул – да, мол, падки мы на это, что поделаешь!

– Вот-т, я и говорю! – Погрозила Инесса пальцем. – Женщина-вамп. Летите вы на этот образ, что мотыльки на свет. – И усмехнулась жестко: – Единственное ваше отличие от чешуе... от чешуекрылых в том, что вы осознаете неизбежность сгорания, а все равно ведь летите...

Бармен сочувственно кивнул.

– Ладно, не бери в голову...

Инесса порылась в сумочке, вытащила ключи от машины.

– Может, вам такси вызвать? – встревожился бармен.

– Ты за меня не волнуйся, мальчик! – Инесса растянула губы в механической улыбке.

Бармен опустил глаза. – Меня ничем не возьмешь!

Грузно слезла с высокого стула и твердо стала на ноги:

– Я пошла, а ты тут следи за порядком.

Леша еще и не подозревал, а «Период Сандры» уже вступал в свои права.

Он привык давать названия отрезкам своей жизни по именам женщин, шедших рядом в каждый из них. Это придавало его хронологии определенную схожесть с Всемирной метеорологической организацией, присваивающей разрушительным ураганам женские имена: «Катерина», «Вера», «Дженни»... Теперь есть Сандра. Неистовый ураган с локальными последствиями. Ураган не разрушающий, но... Какой? Леша не знал ни в тот момент, когда Сандра впервые появилась на его пороге, ни сейчас. В одном он был уверен – жизнь его обрела... звучание? Да! Некую неясную вибрацию в глубинах души. Обретет ли музыка свою гармонию, станет ли она минорной или зазвенит мажором? Партитура только пишется.

18

За длинной стойкой полированного черного дерева, с золотым геометрическим, естественно, орнаментом находилось рабочее место Кати Лифшиц, прозванной Лешей Лапшенниковой по аналогии с булгаковской «секретаршей редакции Лапшенниковой со скошенными к носу от постоянного вранья глазами».

Катя, бойкая, разбитная девица тридцати пяти лет, узкая талия, черная челка, мать-одиночка: поджарая лисичка, растящая дочь. Одна из ключевых фигур в компании «Исцеление».

Все больные, ступившие ногой на Святую землю, находились под ее неусыпной опекой, пока шасси серебристых лайнеров, уносящих их домой, не отрывались от этой самой земли под ее вздох облегчения. Фирма развивалась бурно, больные сменялись все чаще, и вздохи облегчения переросли в нервную одышку.

Все проблемы, все недовольство (иногда и благодарность, но недовольство чаще) первым делом обрушивались на Катю. Она должна была держать удар, обволакивая клиента паточкой вежливости, поглотить взрывную волну, находя (выдумывая) любые объяснения, обращая в итоге все на пользу фирме: «Видите, Михаил (Сергей, Елена и т. д.), как все удачно для вас сложилось?»

Скажем, забыли глупые девчонки сопровождения проследить за отменой аспирина, и больной продолжал глотать его беспечно, а теперь хирург матерится, отменяя в последний момент операцию, и все прячут глаза от стыда.

Как ответить на исконные вопросы русской души: «Что делать и кто виноват?»

А Катя уже летит по коридору навстречу черным грозовым тучам и первым багровым всполохам, предвестникам беды:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.